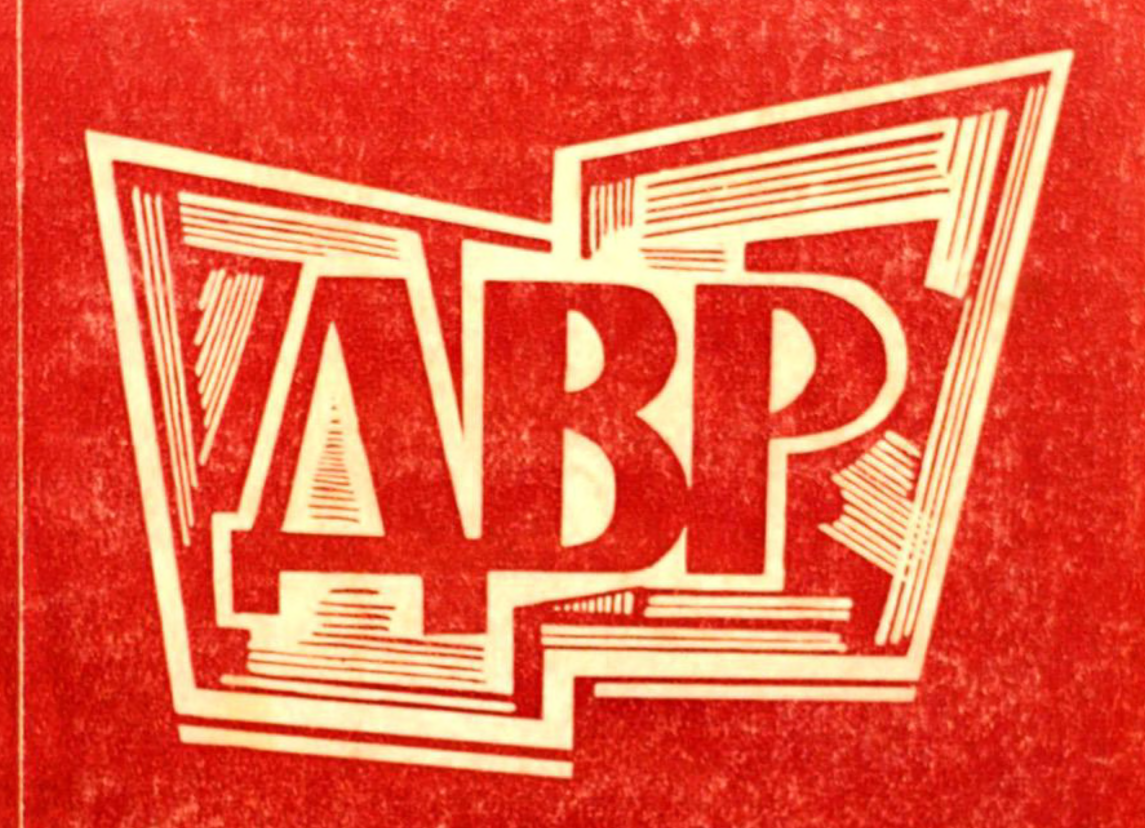
Н. П. ЕГУНОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Н. П. ЕГУНОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

БУРЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ 1972

9 (с) 22 Кр.
E 31

Спецредактор Н. Д. Шулунов

[illegible]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа посвящена тому периоду военной интервенции и гражданской войны в Забайкалье и на Дальнем Востоке, который связан с существованием Дальневосточной республики. Образование ДВР представляло собой оригинальный по замыслу и смелый по осуществлению тактический шаг Коммунистической партии и Советского правительства. Исследование истории ДВР дает возможность раскрыть все величие ленинского стратегического и тактического руководства, показать на конкретном историческом материале, как ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным умело сочетал в этот период высокую принципиальность с гибкостью, хорошо использовал внутренние противоречия между врагами, искусно применял маневрирование, невоенные и военные средства борьбы, целесообразные компромиссы и т. д. Этот исторический опыт привлек внимание многих исследователей. За годы Советской власти создана большая историческая и мемуарная литература по этому вопросу (С. С. Григорцевич, П. И. Кабанов, А. И. Крушанов, З. Карпенко, В. П. Малышев, Л. М. Папин, П. С. Парфенов, М. А. Персиц, Я. Покус, Е. И. Попова, Г. Е. Рейхберг, М. М. Сахьянова, Б. М. Шерешевский, С. Н. Шишкин, А. П. Шурыгин и др.)[1], а также опубликовано зна-

---

[1] Из-за небольшого объема работы автор не имеет возможности дать историографический обзор и вынужден ограничиться в данном случае лишь перечислением фамилий ученых, занимавшихся изучением этой темы. В дальнейшем автор будет неоднократно ссылаться на их труды.

чительное количество сборников документальных материалов и воспоминаний[2].

При написании своей работы автор исходил из основополагающих указаний В. И. Ленина и ЦК РКП(б) по вопросам образования, развития и укрепления ДВР, изучил опубликованные и архивные документальные материалы, широко использовал историческую и мемуарную литературу. В данной работе он пытался осветить предпосылку образования буферного государства, основные этапы его истории, завершившиеся разгромом белогвардейцев, изгнанием интервентов из Приморья, упразднением ДВР и воссоединением ее с РСФСР.

При этом автор уделил большое внимание начальному этапу образования ДВР, критически пересмотрел точку зрения Л. М. Папина, П. М. Никифорова, касающуюся этого периода, показал отрицательные последствия блока коммунистов с цензовиками в Приморье. Раскрывая большую и сложную работу Сиббюро ЦК РКП(б), Дальбюро ЦК РКП(б), коммунистов Забайкалья и Дальнего Востока в борьбе за осуществление политики ЦК РКП(б) и Советского правительства по созданию буферного государства, автор не мог пройти мимо тех ошибок, какие допускались местными партий-

---

[2] «...И на Тихом океане свой закончили поход». (Сб. статей). М., Хабаровск, 1932; «Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917—1922 гг.» (Составители А. Цыпкин, А. Шурыгин, М. Булыгин). Дальгиз, 1933; «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». Под ред. И. И. Минца. М., 1934; «Таежные походы». Ч. I и II. М., 1935 и 1936; «Сергей Лазо». Сб. документов. М., 1938; «Борьба за Советский Дальний Восток. 1918—1922 гг.» (Сб. материалов и документов). Хабаровск, 1938; «Борьба за Советы в Бурят-Монголии. 1918—1920 гг.» М., 1940; «Борьба за Советы в Забайкалье». Чита, 1947; «Красногвардейцы и партизаны». Чита, 1957; «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)». Владивосток, 1955; «За власть Советов». Чита, 1957; «Из истории гражданской войны», т. 3. М., 1961 и др.

Из мемуарной литературы большой интерес представляют следующие произведения: В. Бородавкин. Годы грозовые. Владивосток, 1964; М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток. М., 1958; В. П. Голионко. В огне борьбы. М., 1958; Я. П. Жигалин. Партизанские отряды занимали города. Барнаул, 1965; М. И. Казанин. Записки секретаря миссии. М., 1963; П. М. Никифоров. Записки премьера ДВР. М., 1963; Ф. Н. Петров. 65 лет в рядах ленинской партии. М., 1965; П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири 1917—1922 гг. М., 1957; В. Элеш. Записки подпольщика. Владивосток, 1965 и др.

ными организациями и отдельными коммунистами при проведении этой политики. Эти ошибки были обусловлены сложностью и противоречивостью международного и внутреннего положения, новизной и гигантской трудностью строительства такого государства, и тем, что широкие трудящиеся массы недопонимали значения буфера и выступали за немедленное установление Советской власти.

Таким образом, данная работа представляет собой краткий научно-популярный очерк по истории ДВР, охватывающий период с весны 1920 г. (со времени образования ДВР) до ноября 1922 г. (до ее воссоединения с РСФСР), и, конечно, не претендует на исчерпывающее раскрытие всех вопросов этой сложной темы.

Решающие победы Красной Армии, одержанные над войсками Колчака, Юденича, Деникина к началу 1920 г., коренным образом изменили внешнее и внутреннее положение Советской России. Наша страна завоевала мирную передышку, которую надо было использовать для решения первоочередных задач хозяйственного строительства, так как экономическое положение Советской страны было крайне тяжелое. В результате интервенции и гражданской войны многие районы европейской части были до крайности разорены. Крупная промышленность в 1920 г. производила продукции в семь раз меньше довоенного времени. Топливный кризис грозил остановкой железнодорожного транспорта и дальнейшим падением промышленного производства. Острым оставался продовольственный вопрос. Между тем Сибирь, располагая большими запасами продовольствия (свыше 119 миллионов пудов свободного остатка хлеба в 1919 г.) и топлива, могла обеспечить центр страны. На это указывал неоднократно В. И. Ленин[3]. Коммунистическая партия и правительство мобилизовали силы трудящихся и Красной Армии (в то время из соединений Красной Армии было создано несколько трудовых армий) для восстановления народного хозяйства, разрушенного интервентами и белогвардейцами.

IX съезд РКП(б), проходивший в марте – апреле 1920 г., определил очередные задачи хозяйственного

---

[3] См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 69, 185—186; т. 41, стр. 146—147; т. 51, стр. 346—347.

строительства, выдвинув на первый план организацию соревнования масс, применение трудовой повинности, использование частей Красной Армии в хозяйственном строительстве и т. д. Закрывая съезд, В. И. Ленин призвал партию направить всю свою силу, энергию, дисциплинированность на восстановление хозяйства страны. На основе решений IX съезда партии трудящиеся нашей страны успешно восстанавливали народное хозяйство.

Военное поражение интервентов и белогвардейцев, упрочение Советской страны усилили противоречия в лагере империалистических стран. Рост симпатий трудящихся всего мира к Советской власти обусловил активную борьбу народных масс стран капитала против военной интервенции империалистических стран в Советскую Россию.

Успехи III Коммунистического Интернационала, все усиливающаяся борьба рабочего класса против капиталистического рабства, послевоенная разруха, волнения солдат интервенционистских войск, грызня между империалистическими странами обусловили неустойчивость капиталистического мира. Все это заставило империалистов Антанты и США изменить тактику борьбы против Советской России и поставить вопрос о выводе своих войск из России.

Перед Советской страной открылась перспектива мирного сосуществования с капиталистическим миром. В январе 1920 г. Верховный Совет Антанты разрешил торговлю с Советской Россией. Юридически экономическая блокада Советской России была снята, но фактически империалисты США и некоторых других государств продолжали препятствовать свободной торговле. Изменилось отношение соседних прибалтийских государств к Советской России. Мирные переговоры с ними дали положительные результаты. Так, 2 февраля 1920 г. был заключен мир между Советской Россией и Эстонией. Велись мирные переговоры с Финляндией и другими государствами.

Улучшение и укрепление внешнеполитического положения Советского государства позволило Советскому правительству активизировать борьбу за мир. Оно обратилось к правительствам США, Франции, Англии, Японии, Польши и других стран с предложением об уста-

новлении мирных отношений. Правительства империалистических государств не откликнулись на призыв Советской России. Империалисты Антанты, питая злобную ненависть к власти трудящихся России, не желали примириться с существованием Советского государства. Они готовили новый военный поход против Страны Советов.

С этой целью империалисты Антанты выдвинули на этот раз в качестве главной силы буржуазно-помещичью Польшу и белогвардейские войска барона Врангеля в Крыму. В. И. Ленин неоднократно указывал на это. Так, в феврале 1920 г. он дал указание РВС республики: «Все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта. Считал бы необходимыми экстренные меры для быстрого подвоза всего, что только можно, из Сибири и с Урала на Запфронт»[4].

Учитывая сложившуюся международную обстановку, В. И. Ленин придавал большое значение выработке правильной линии во внешней политике Советского государства. Эта линия была изложена Лениным на IX съезде РКП(б) в Отчетном докладе ЦК РКП(б). Внешнеполитическая линия Советской власти, указывал В. И. Ленин, должна использовать все возможности для борьбы за мир, так как «всякий мир открывает во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию». Причем эта линия должна быть максимально гибкой, позволяющей «маневрировать в нашей международной политике». Вместе с тем «наши шаги к миру», наше мирное хозяйственное строительство должны сопровождаться непрестанным укреплением военной мощи республики, «напряжением всей нашей военной готовности»[5].

Эти принципиальные соображения, изложенные В. И. Лениным на IX съезде РКП(б), легли в основу той политики, которую проводило Советское правительство на Дальнем Востоке с 1920 года.

Разгром Колчака и приближение Красной Армии к Байкалу с настоятельной необходимостью поставили воп-

---

[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 146.

[5] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 247—248.

рос об освобождении территории к востоку от Байкала до Тихого океана. В то время эта территория была оккупирована крупными вооруженными силами японских интервентов. Появилась опасность военного столкновения Красной Армии с войсками японских интервентов. Советская Россия не могла идти на военный конфликт с Японией в силу сложившейся международной обстановки и внутреннего положения страны: назревала опасность военного нападения на Советскую Россию с запада. Военный конфликт Советской власти с Японией неизбежно должен был вовлечь Россию в войну на два фронта — на западном и дальневосточном. В такой обстановке Советское правительство поставило задачу во что бы то ни стало избежать войны Советского государства с Японией.

Внутренние условия страны и особенно Сибири требовали скорейшего окончания войны. Колчаковский режим нанес тяжелый урон экономике Сибири[6]. Страшным наследием колчаковщины явилась сыпно-тифозная эпидемия. Белая армия оставила горы трупов и десятки тысяч больных.

В сложных и трудных условиях с боями двигалась 5-я Красная Армия, пройдя огромный путь от Урала до Байкала. Части ее были измотаны, нуждались в пополнении и отдыхе, истощились запасы обмундирования и боеприпасов. В таких условиях военные действия за освобождение Забайкалья и Дальнего Востока от японских интервентов были невозможны. Это потребовало бы переброски за Байкал новых воинских соединений, боевой техники, боеприпасов, что было крайне затруднительно.

Кроме того, в Сибири, разоренной колчаковцами и интервентами, предстояла большая работа по восстановлению ее хозяйства. В. И. Ленин указывал на сложность и трудность задачи налаживания экономических и политических связей с освобожденными окраинами нашей страны: «Чем мы больше завоевывали Сибирь, Кубань и Украину с их крестьянским населением, тем труднее становилась задача, тем тяжелее идет машина, потому что пролетариата в Сибири мало»[7].

---

[6] См.: «История Сибири», т. 4, [illegible] стр. 151.
[7] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 27[illegible]

Исходя из всех этих вышеизложенных соображений, Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с Лениным во избежание войны с Японией и для сравнительно мирной ликвидации японской интервенции в Забайкалье и на Дальнем Востоке пошли на тактический маневр — взяли курс на образование формально независимого буферного государства демократического типа, политика которого направлялась бы Советской Россией и руководящая роль в котором принадлежала бы Коммунистической партии, опирающейся на союз рабочего класса и трудящегося крестьянства.

История образования буферного государства в Забайкалье и на Дальнем Востоке очень своеобразна. Замысел его создания не имеет ничего общего с идеей сибирских областников, выступавших за отделение Сибири от России и боровшихся за создание самостоятельного, независимого государства автономной Сибири. Коммунистическая партия и В. И. Ленин, рассматривая Сибирь и Дальний Восток как составную часть Советской России, выступали против идеи самостоятельности Сибири. Больше того, В. И. Ленин указывал, что «так называемая самостоятельность Сибири только облегчит формально дело аннексии с Востока»[8].

Буферное государство, создаваемое коммунистами в Забайкалье, не имело ничего общего и с затеей меньшевиков и эсеров, которые в период Политцентра, находившегося у власти в Иркутске с 5 по 21 января 1920 г., пытались создать на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока буржуазно-демократическое государство под протекторатом США и Японии, чтобы сохранить и укрепить силы контрреволюции и превратить это государство в опорный пункт империалистических держав с целью продолжения борьбы с Советской Россией.

Выполнение такой сложной задачи, как создание буферного демократического государства, было по плечу лишь Коммунистической партии, возглавляемой В. И. Лениным.

«Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком, руководствуясь указаниями центра, стали осуществлять замысел созда-

---

[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 306.

ния буферного государства. Однако некоторые члены Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома (М. И. Фрумкин, В. М. Косарев и др.) были противниками буфера, считая целесообразным перебросить части Красной Армии на восток за Байкал и полагая, что это будет способствовать быстрому освобождению Дальнего Востока от иностранных интервентов. Антибуферная позиция М. И. Фрумкина, Я. Д. Янсона, В. М. Косарева и др. была связана с недооценкой необходимости мирной передышки для Сибири и страны в целом, непониманием внешнего положения Советской страны и тех трудностей, которые были связаны со вступлением Красной Армии за Байкал. Поэтому Политбюро ЦК РКП(б) в постановлении от 18 февраля 1920 г. указывало: «Политбюро ЦК безусловно за политику поддержки буферного государства. Противники этой политики обязаны прекратить свою оппозицию под угрозой строгого наказания. Политбюро безусловно против отвлечения военных и других сил дальше Иркутска»[9]. В. И. Ленин подверг резкой критике позиции противников буфера: «Надо бешено изругать противников буферного государства (кажется, таким противником является Фрумкин), погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществляли лозунг: «ни шагу на восток далее...» Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»[10].

В. И. Ленин, объясняя внешнеполитические обстоятельства, приведшие к созданию Дальневосточной республики, говорил: «...Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, и мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири... Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того,

[9] Цит. по кн.: П. С. Парфенов (Алтайский). Борьба за Дальний Восток; М., 1931, стр. 152.

[10] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 137.

чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она, по понятным условиям, сейчас непосильна»[11].

Как видно из высказываний В. И. Ленина, образование ДВР было связано не с внутренними условиями развития Забайкалья и Дальнего Востока (так как внутреннее положение здесь позволяло строить Советскую власть), а внешнеполитическими условиями. Международное военно-политическое положение РСФСР не позволяло приступить к немедленной советизации Забайкалья и Дальнего Востока. Внешнеполитическая обстановка требовала сосредоточить внимание на наиболее важном участке борьбы с империалистическими силами.

Образование ДВР создало новые дополнительные возможности для более широкого дипломатического маневрирования Советского правительства с использованием противоречий между империалистами США и Японии. В. И. Ленин отмечал, что «между Японией и Америкой, формально находящимися между собою в союзе державами, все яснее обнаруживается соперничество, вражда, которая не дает им возможности развернуть все силы их натиска против Советской республики»[12].

В. И. Ленин подчеркивал, что эти противоречия принадлежат к числу коренных, объясняемых «глубочайшими экономическими причинами», и предлагал их использовать для привлечения американского империализма «против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках Дальневосточную республику»[13].

Образование буферного государства облегчало вступление Советской России в торгово-экономические связи с деловыми кругами капиталистических стран. Эти торговые деловые связи также помогали нейтрализовать интервенционистские тенденции американского империализма и обострить противоречия между США и Японией.

---

[11] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 93.
[12] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 87.
[13] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 60, 95.

Отказ от немедленной советизации Забайкалья и Дальнего Востока и создание буферного государства явилось целесообразным политическим компромиссом. В. И. Ленин указывал, что «принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лавирование, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения»[14].

Коммунистическая партия пошла на образование буферного государства во имя установления мира на Дальнем Востоке, в целях мобилизации трудящихся масс края на разгром белогвардейцев и изжитие японской интервенции.

ДВР являлась особым буферным государством, по существу выполнявшим функцию диктатуры пролетариата и служившим своеобразным орудием против интервенции и белогвардейцев.

ЦК РКП(б) и Советское правительство постоянно следили за работой по строительству Дальневосточной республики, своевременно исправляя ошибки ее руководителей. В решениях ЦК РКП(б) и указаниях Советского правительства были определены основные направления политики ДВР. Партия и правительство, оказывая постоянную помощь коммунистам республики, требовали от ее руководства твердого и неуклонного осуществления политики, выработанной в центре страны.

В 1920—1922 гг. вопрос о ДВР, о составе Дальбюро ЦК РКП(б) и о его работе обсуждался в ЦК РКП(б) около 60 раз и в том числе 6 раз на пленумах ЦК партии. При этом были приняты документы большого принципиального политического значения, такие, как «Краткие тезисы по Дальневосточной республике», утвержденные 13 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина. Тезисы получили свое дальнейшее развитие в постановлениях пленума ЦК РКП(б) от 4 и 12 января 1921 года.

Дальбюро ЦК РКП(б) и коммунисты Дальневосточной республики, руководствуясь решениями и указания-

[14] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 61—62.

ми партии и правительства во главе с В. И. Лениным, опираясь на рабочих и крестьян, сумели в сложнейших и труднейших условиях практически претворить их в жизнь — добились разгрома белогвардейцев и японской интервенции на Дальнем Востоке и воссоединили этот обширный и богатый край с Советской Россией.

Глава I
ОБРАЗОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

После крушения колчаковского центра к востоку от Байкала и до Тихого океана не оказалось единой власти, хотя последним актом «Верховного» правителя главнокомандующим на Дальнем Востоке со всей полнотой военной и гражданской власти был назначен Семенов. Однако этот «акт» не признали ни союзники, ни подчиненные. Власть Семенова осуществлялась только там, где стояли его отряды, да и то при поддержке японской военной силы, то есть в пределах Читы и части Забайкалья. В Приморье, точнее во Владивостоке, была установлена власть колчаковского генерала Розанова, в Хабаровске — атамана Калмыкова, в Благовещенске — атамана Кузнецова. Господство всех этих правителей было непрочным. Железнодорожная, почтовая и телеграфная связь между областями Дальнего Востока фактически была разорвана.

Развернувшееся партизанское движение, возглавляемое большевиками, охватило все области Забайкалья и Дальнего Востока и постепенно вытесняло атаманов с захваченных ими территорий.

В декабре 1919 г. и январе 1920 г. началось народное восстание в Западном Забайкалье. Им руководил Верхнеудинский подпольный комитет РКП(б). Крупные военные силы семеновцев и японцев, а также «дикая дивизия» Левицкого, посланные на подавление восстания, были разгромлены. В январе 1920 г. состоялся съезд

трудящихся всего восставшего Западного Забайкалья в Бичуре. Съезд принял решение «установить в нашем районе Прибайкалья Советскую власть» и предложил проводить в жизнь все декреты Совета Народных Комиссаров. Съезд избрал ЦИК Советов Прибайкалья, Главный военно-революционный штаб.

С огромной силой развернулось партизанское движение в Восточном Забайкалье, особенно в районе Нерчинска и Сретенска. Партизаны, разгромив крупные силы семеновцев, в начале февраля 1920 г. захватили Сретенск.

Несмотря на поддержку японцев и на прибывшее Семенову подкрепление - каппелевцев во главе с генералом Войцеховским,— территория, захваченная атаманом Семеновым, отвоевывалась партизанами. Японское командование в Верхнеудинске под влиянием успехов народного восстания в Западном Забайкалье и в результате нарушения партизанами коммуникационных линий с Читою было вынуждено объявить о своем невмешательстве в борьбу партизан с семеновцами. Оно установило нейтральную зону вдоль железной дороги. В конце февраля 1920 г. партизанами был занят город Троицкосавск, а в начале марта — Верхнеудинск. К 5 марта все Западное Забайкалье было очищено от белогвардейцев. Вскоре эвакуировались японцы.

В Амурской области большая часть ее территории в начале зимы 1919 г. находилась в руках партизан, только в городах и на линии железной дороги стояли гарнизоны белых и японцев. Партизаны парализовали движение Амурской железной дороги протяжением 2 тысячи километров. Попытки японцев оттеснить партизан от железной дороги не имели успеха.

В занятых партизанами районах проводились «красные мобилизации», и отдельные партизанские отряды превращались в целые повстанческие армии по нескольку тысяч человек. В середине октября в с. Ромны открылся областной съезд Советов, возглавляемый большевиками. Съезд избрал исполком, известный под названием «таежный». «Таежный» исполком занялся подготовкой сил партизанских армий для наступления на Благовещенск. К февралю 1920 г., когда кольцо партизанских сил уже фактически охватило Благовещенск,

командующий японскими войсками Амурской области генерал Сиродзу объявил, что «японские войска прекращают борьбу с большевиками, и партизанские отряды могут свободно выйти на железную дорогу». Атаман Кузнецов, лишенный поддержки, был вынужден передать власть органам местного самоуправления, а сам бежал в китайский город Сахалян. Партизаны вошли в город, и «таежный» исполком принял власть от местного самоуправления. В Амурской области была восстановлена Советская власть.

В Приморской области партизанское движение росло и активизировалось с осени 1919 года. Руководителями и организаторами партизанского движения, а также подпольной работы в Приморье стали коммунисты. Они, по существу, стали самой влиятельной, самой авторитетной политической силой Приморья, оттеснив на задний план эсеров, меньшевиков, кадетов и т. д. Коммунисты возглавляли боевые операции партизан против американских, японских и белогвардейских гарнизонов, нанося им тяжелый урон в живой силе и технике. Например, в боевых операциях партизан 23—25 июня 1919 г. под руководством С. Г. Лазо против американских, японских и белогвардейских гарнизонов, расположенных на Сучанском руднике и на станциях Сучанской железнодорожной ветки, противник потерял до 900 человек убитыми и ранеными. Движение по ветке было парализовано, рудник выведен из строя, и доставка угля во Владивосток прекратилась[1].

Коммунисты были организаторами рабочих и партизан по выведению из строя железнодорожного транспорта. Разрушение транспорта на протяжении 1919 г. мешало регулярному снабжению Колчака боевой техникой, боеприпасами и т. д. По инициативе коммунистов летом 1919 г. была объявлена всеобщая забастовка рабочих и служащих Уссурийской железной дороги, Владивостокского порта и других предприятий края, продолжавшаяся более месяца. Военный отдел подпольного областного комитета РКП(б), возглавляемый Сергеем Лазо, проводил огромную работу по подготовке вооруженного восстания с тем, чтобы покончить с иностранной военной ин-

[1] См.: «Героические годы борьбы и побед». М., 1968, стр. 121—122.

тервенцией, белогвардейским режимом Колчака и его ставленником в Приморье генералом Розановым и установить Советскую власть.

Однако в середине января 1920 г. в Приморье сложилась следующая политическая ситуация. Внутренние условия в Приморье позволяли Коммунистической партии произвести советский переворот, ликвидировать ненавистный народу белогвардейский режим генерала Розанова и установить в крае Советскую власть. Это было тем более возможно, т. к. трудящиеся массы во всем поддерживали коммунистов и боролись против интервенции и белогвардейского режима под знаменем Советов. Однако при наличии больших военных сил интервентов в Приморье осуществить советизацию края было невозможно. Между тем свергнуть ненавистный трудящимся режим колчаковского генерала Розанова надо было во что бы то ни стало.

Коммунисты решили использовать внутренние противоречия в лагере империалистов, которых объединяла лютая ненависть к Советской России и разъединяли территориальные притязания. Различными были их методы и средства удержания захваченной территории. Если Япония для достижения своих захватнических целей на Дальнем Востоке по-прежнему поддерживала Семенова и переметнувшегося на его сторону генерала Розанова, то американцы и союзники в целях осуществления своей экспансии в крае стремились опереться на эсеров и меньшевиков.

Используя эти противоречия, коммунисты решили, во-первых, свергнуть власть генерала Розанова и, во-вторых, из-за невозможности совершить советский переворот установить такой политический режим, при котором они смогли бы занять руководящее положение и который бы вполне устраивал американцев и союзников. Таким режимом могла быть земская власть. Дальневосточный комитет РКП(б) решил провести восстание под «розовым» лозунгом. Это означало совершить земский переворот с передачей власти земской управе, обеспечив коммунистам руководство всеми силами повстанцев и овладение ими важными государственными постами с тем, чтобы иметь решающее влияние на политику временного земского правительства. Такая политическая комби-

нация должна была служить интересам Советской России и всех трудящихся Приморья.

Земская управа согласилась с предложением коммунистов о захвате власти. Земцы сознавали, что массы идут за коммунистами и взять власть без их поддержки они не смогут, поэтому согласились придти к власти при условии, если коммунисты будут поддерживать их и наравне с ними возьмут на себя ответственность. Обком РКП(б) согласился на это.

Для организации и проведения восстания и координации действий во время восстания был создан объединенный оперативный штаб[2]. В него вошел в полном составе военно-революционный штаб коммунистов, а также эсеры всех трех направлений — правые, или земцы, левые и сибирские областники. Председателем объединенного штаба был утвержден Сергей Лазо[3]. Отныне объединенному штабу должны были подчиняться все воинские части, комитеты и военные организации[4]. Восстание во Владивостоке было намечено на 31 января 1920 года.

Власть белогвардейцев в ряде городов Приморья была свергнута еще до восстания во Владивостоке. Так, 26 января поднялись рабочие Сучанского угольного района, а в ночь на 26 января в соответствии с планом объединенного штаба в Никольско-Уссурийске произошло восстание 33-го полка и инженерного дивизиона, которое поддержали вступившие в город с разных сторон партизанские части. Гражданская власть в Никольско-Уссурийске перешла в руки революционного комитета, в который входили представители всех политических партий, стоящих на позициях свержения колчаковского режима.

Японцы по требованию консульского корпуса соблюдали нейтралитет. Однако они помогли представителям колчаковской власти укрыться и переправиться в Маньчжурию.

Идея создания буржуазно-демократического государства поддерживалась представителями американского правительства. Американцы даже содействовали

---

[2] См.: «Борьба за власть Советов в Приморье (в 1917—1922 гг.)», стр. 326—327.

[3] См.: С. Лазо. Воспоминания и документы. М., 1938, стр. 141.

[4] См.: «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 327.

«земскому перевороту». Конечно, им было известно, что подготовка восстания шла при руководящей роли большевиков. Но, очевидно, они надеялись, что с приходом к власти земцев им удастся укрепить свое влияние, оттеснить коммунистов и создать буржуазный строй под американо-японским протекторатом.

29 января 1920 г. объединенный оперативный штаб опубликовал воззвание к солдатам и офицерам колчаковской армии, в котором, сообщая о свержении колчаковской власти в Никольско-Уссурийске, объявил, что во Владивостоке власть переходит в руки областной земской управы[5]. Под руководством объединенного оперативного штаба восставшие и партизаны заняли телеграф, почту, телефонные станции, банки и правительственные учреждения и взяли под охрану все стратегические пункты.

Утром 30 января партизанская конница вошла во Владивосток. В тот же день земцы вели переговоры с союзниками, в основном с американскими представителями. Земцы заверяли, что «не собираются вводить большевистский режим... соглашались на продолжение союзного контроля над железными дорогами» и пр[6].

31 января Приморская областная земская управа опубликовала декларацию, в которой «решила временно принять на себя осуществление... всей полноты государственной власти» и ставила своей основной задачей «скорейшее прекращение гражданской войны и установление мира и порядка среди населения, как лучшее средство к защите национальных интересов русского народа»[7].

Таким образом, совершился бескровный переворот. Вся полнота власти в крае перешла в руки Временного правительства Приморской областной земской управы. Главой этого правительства был назначен эсер Медведев. Его заместителем по руководству деловым исполнительным комитетом финансово-экономического совета стал коммунист П. М. Никифоров, во главе продовольственного комитета был поставлен коммунист В. Г. Ан-

---

[5] См.: «Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке», стр. 154.

[6] Е. И. Попова. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967, стр. 53.

[7] «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 340—341.

тонов, Военный совет возглавил Сергей Лазо, транспортный комитет — коммунист И. Г. Кушнарев. Освобожденные из тюрьмы партийные руководители также включились в общую работу, так что большевики имели возможность оказать решающее влияние на политику земского правительства. Таким образом, созданная в Приморье в конце января 1920 г. в результате «розового переворота» власть явилась одной из первых попыток создать на востоке страны большевистский буфер.

Заслуга Дальневосточного областного комитета РКП(б) состоит в том, что он, как свидетельствует П. М. Никифоров, еще осенью 1919 г. поставил вопрос о земском перевороте и о формах власти. При решении этого вопроса, как сообщает П. М. Никифоров, «наметились две точки зрения: Яковлев, Трилиссер, Уткин, Сахьянова и другие настаивали на немедленном введении Советской власти по всему краю. Сторонники другой точки зрения (Ковальчук, Никифоров, Кушнарев, Дельвиг, Раев, Власова и др.) полагали, что немедленное введение Советской власти при наличии военных сил интервентов невозможно, ибо это вело бы к затяжке кровавой борьбы трудящихся Дальнего Востока с вооруженными силами интервентов»[8].

Приведенная цитата создает впечатление, что и во время «розового» переворота часть приморских коммунистов была за немедленное введение Советской власти. Между тем это не соответствует действительности. Никто из руководителей Приморья не выступал против земского переворота. Наоборот, коммунисты края считали, что установить Советскую власть во Владивостоке при наличии значительных иностранных военных сил невозможно[9].

План американцев о создании буржуазного строя на Дальнем Востоке под американо-японским протекторатом был не беспочвенным. Мелкобуржуазные партии, имеющие известное влияние в буржуазных кругах края, верой и правдой служили американскому капиталу. США оказывали на них экономическое, военное и идеологическое давление. Это, по расчету американцев, и должно

---

[8] П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 152.

[9] См.: «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 307.

было обеспечить успех американской политике в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Однако план коммунистов, ориентирующийся на народ как решающую силу исторического процесса и на единодушную поддержку со стороны рабочих и крестьян, на помощь Советской России, оказался более надежным, правильным и точным. Это был план создания на территории Забайкальской, Амурской, Приморской, Камчатской областей и Северного Сахалина так называемого буферного государства, которое бы служило интересам Советской России. Успех этого плана зависел от глубоко продуманной гибкой тактики Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Для того, чтобы объединить все области Дальнего Востока и решить новые сложные задачи, вставшие после свержения власти белых на большей части территории Забайкалья и Дальнего Востока, необходимо было объединить и сплотить всех коммунистов Забайкалья и Дальнего Востока под руководством единого партийного центра. Этой назревшей задаче отвечало решение Сиббюро ЦК РКП(б) от 3 марта 1920 г. о создании Дальбюро РКП(б) в составе шести членов (А. М. Краснощекова, Л. А. Ширямова, Н. К. Гончарова, И. Г. Кушнарева, С. Г. Лазо, П. М. Никифорова), принятое по прямому указанию ЦК РКП(б). Развивая это решение, Сиббюро ЦК РКП(б) приняло 23 мая 1920 г. тезисы о работе Дальбюро РКП(б), содержание которых следующее: 1) члены Дальбюро назначаются Сиббюро ЦК РКП(б), во всей своей деятельности подчиняются его директивам; 2) Дальбюро имеет два отделения в составе 3 членов каждое — в Верхнеудинске и во Владивостоке; 3) Дальбюро является ответственным за всю политику Дальневосточного правительства, осуществляя непосредственный контроль над политикой коммунистической фракции и отдельных ее членов в составе правительства; 4) Дальбюро, ставя своей ближайшей задачей объединение партийной работы от Верхнеудинска до Владивостока, руководит всей политической работой партийных организаций и армии ДВР; 5) Дальбюро по директивам ЦК РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б) руководит всеми дипломатическими сношениями Дальневосточной республики с иностранными правительствами[10].

[10] ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 53.

Строительство Дальневосточной республики началось в Бурятии в марте 1920 года, т. е. после того, как комбинированным ударом партизанских отрядов и группы войск Восточно-Сибирской советской армии под командованием Калашникова белогвардейцы были изгнаны из Верхнеудинска. Верхнеудинской земской управе было предложено взять власть. Но управа была настолько скомпрометирована в глазах народа, что быть властью согласилась лишь при условии, если в ее состав будут включены представители коммунистической организации[11].

Члены Дальбюро РКП(б) развернули большую работу по разъяснению политики ЦК РКП(б) о необходимости создания буферного государства среди коммунистов, партизан и всех трудящихся. Прибайкальская партийная организация после обсуждения этого вопроса поддержала политику ЦК партии. Точка зрения коммунистов Прибайкалья по вопросу о создании буферного государства изложена в резолюции Верхнеудинского партийного комитета, принятой на его заседании 8 марта: «Принимая во внимание, что при создавшемся международном положении восстановление Советской власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке может вызвать серьезные осложнония международного характера, что отстаивать власть Советов своими собственными силами мы не в состоянии, Верхнеудинская организация Российской Коммунистической партии, не желая вовлечь республику в новую войну, постановила впредь до изменения международной конъюнктуры в нашу пользу отказаться от немедленного установления Советской власти и признает целесообразным учреждение общедемократической земской власти»[12]. 7 марта 1920 г. состоялось объединенное заседание комитетов социалистических партий: коммунистов, социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров под председательством члена Дальбюро РКП(б) А. М. Краснощекова. На нем состоялся обмен мнениями и было принято соглашение по вопросу о существе новой власти, о границах и др. В этом решении сказано, «что новая власть временная местная, и она

[11] См.: П. С. Парфенов (Алтайский). Указ. соч., стр. 146.

[12] ПАБО, ф. 47, оп. 1, д. 1, л. 2.

конструируется вокруг местной земской управы с представительством трех социалистических партий на паритетных началах... по следующему расчету: от Верхнеудинской земской управы — 4, по 2 представителя от каждой из партий коммунистов, меньшевиков и эсеров, от ЦИКа Совета Прибайкалья — 2, от профсоюзов — 1, от бурятского населения — 1[13]. Председателем временной земской власти стал меньшевик Ив. Пятидесятников[14].

Член Дальбюро РКП(б) Н. Г. Кушнарев, находясь в Верхнеудинске проездом из центра во Владивосток, разъяснял политику партии и Советской власти о необходимости строительства буферного государства на заседании ЦИКа Советов Прибайкалья. Члены ЦИК Советов Прибайкалья, признавая необходимым временное образование буферного государства, приняли единогласно обращение «Ко всему населению Прибайкалья» с объяснением, почему ЦИК Советов «передает временно свою власть» земству[15].

Тем временем поступила директива ЦК партии и Совнаркома, в которой сказано, что «в Верхнеудинске образуется буферное правительство, при котором наш уполномоченный тов. Краснощеков. Все дальневосточные правительства должны согласоваться с его действиями и складываться по типу Забайкальского. В Забайкалье организуется армия, во главе ее стоит Главный оперативный штаб. Все существующие отряды подчиняются ему»[16].

Эта директива партии и правительства ориентировала коммунистов и всех трудящихся Забайкалья и Дальнего Востока объединиться вокруг правительства Верхнеудинска как центрального.

Известно, что рабочие и крестьяне Бурятии боролись за свержение власти Семенова и оккупантов под лозунгом «За власть Советов» и создали на местах Советы или ревкомы. Столь неожиданный поворот от Советов к земской власти вызвал у народа большую тревогу и недоверие. Крестьяне деревень Кибалино и Карановки, на-

[13] ЦГАОР и СС, ф. 342, оп. 1, д. 7, л. 7.

[14] См.: «Партизанское движение в Бурятии». Сб. документов. Улан-Удэ, 1965, стр. 399—400.

[15] Там же, стр. 396—397.

[16] Цит по кн.: П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 151.

пример, писали, что они признают только власть народа, советскую, сочувствуют большевикам и отрицательно относятся к другим политическим партиям и учредительному собранию[17]. Объединенное собрание комсостава Юго-Западного и Южного фронтов и представителей Троицкосавского революционного комитета выступило против создания земской власти в Верхнеудинске и признавало только «рабоче-крестьянскую власть в лице Советов», рассматривая случившееся, если не изменой революции, то грубой ошибкой. Поэтому оно решило 22 марта 1920 г. созвать в Бичуре 2-й съезд трудового народа Прибайкалья[18]. Съезд после острых длительных дискуссий и выступления представителя центральной Советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке А. М. Краснощекова признал правильность решения Советского правительства об образовании буферного государства. В резолюции, принятой съездом, указывалось: «съезд в полном сознании серьезности положения считает необходимым объединиться с товарищами всего края для вырешения этого вопроса, а потому... постановил: влить своих представителей в общий краевой съезд крестьян и рабочих в Верхнеудинске, созываемый на 27 марта»[19].

Еще более острым было положение в Приморье. Если во время «розового переворота», как уже говорилось, среди руководителей дальневосточной партийной организации не было разногласий, никто не настаивал на немедленной советизации, то к марту 1920 г. обстановка в корне изменилась. Отдельные руководящие работники крайкома Приморья заняли ошибочную позицию, полагая, что сохранение земской власти или «игра в земскую дипломатию», как говорили они, не способствует скорейшей ликвидации иностранной интервенции. Они ошибочно считали, что только восстановление Советской власти в Приморье ускорит ликвидацию японской интервенции. Поэтому, не дожидаясь возвращения из Москвы председателя Далькрайкома РКП(б) И. Г. Кушнарева, посланного для получения инструкции

---

[17] См.: «Борьба за Советы в Бурят-Монголии». М., 1940, стр. 31.

[18] См.: Д. Г. Бажеев. Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель партизанской борьбы в Бурятии. Улан-Удэ, 1960, стр. 164; «Партизанское движение в Бурятии», стр. 404—405.

[19] «Партизанское движение в Бурятии», стр. 405—412.

от ЦК РКП(б) и Советского правительства в отношении политики и тактики партии на Дальнем Востоке, руководящие работники Далькрайкома вынесли 2 марта решение начать подготовку к восстановлению в Приморье Советской власти и предъявили по этому поводу меморандум Временному правительству Приморской земской управы[20]. Это смогло произойти потому, что Приморье было оторвано от центра и Далькрайком партии не имел связи с Советской Сибирью, не знал указаний ЦК РКП(б) и Совнаркома об образовании буферной республики на Дальнем Востоке. Временное правительство Приморской земской управы приняло закон о выборах местных советских органов и о созыве на 1 апреля областного съезда трудящихся в Никольско-Уссурийске. В соответствии с этим законом на местах происходили волостные съезды Советов, которые принимали власть от земства.

Только после возвращения И. Г. Кушнарева во Владивосток с директивами ЦК партии о необходимости создания буфера и недопустимости военного столкновения с Японией Дальневосточный Комитет РКП(б), пересмотрев свою ошибочную позицию о немедленной советизации Приморья и Приамурья, положил в основу своей последующей деятельности указания ЦК партии о буфере. Решение было принято не единогласно: С. Г. Лазо, П. В. Уткин и М. И. Губельман возражали против отказа от советизации. Поэтому 30 марта состоялось закрытое собрание наиболее ответственных работников Владивостокской партийной организации, на котором стоял вопрос о решениях Далькрайкома партии об отказе от советизации Дальнего Востока. При голосовании большинство склонилось на точку зрения С. Г. Лазо. Тогда В. В. Виленский, представитель Сибревкома, наложил «вето» на это решение: мнение собрания принимается к сведению, но проводить в жизнь надлежит постановление Далькрайкомпарта, так как это есть приказ ЦК партии. Приказу Виленского все подчинились[21].

2 апреля 1920 г. открылся съезд Советов Приморья в Никольско-Уссурийске. Делегатами в основном были

---

[20] См.: «История гражданской войны в СССР», т. 5, стр. 332.
[21] См.: П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 165—166.

партизаны, прошедшие через огонь и пороховой дым суровых сражений, закаленные в непрерывных боях с интервентами и белогвардейцами. Они приехали с наказом избирателей — восстановить Советскую власть и тем закрепить завоеванную победу. Они вели себя свободно и требовательно. Члены Дальбюро РКП(б) и руководящие работники Приморской партийной организации помогли съезду разобраться в сложной и чреватой опасностью обстановке и понять значение решения Советского правительства об образовании буферного государства на Дальнем Востоке. В результате этих усилий областной съезд трудящихся признал правильность директивы ЦК РКП(б) и Совнаркома об образовании буфера. Съезд постановил: «Ввиду особого международного положения на Дальнем Востоке поддержать временное правительство и считать целесообразным распространить его власть на весь Дальний Восток»[22]. Установка об объединении Приморьем всего Дальнего Востока противоречила решению ЦК РКП(б) об образовании Дальневосточной республики с центром в Верхнеудинске.

Неправильная установка В. В. Виленского относительно того, что Временное правительство Приморья должно объединить весь Дальний Восток под своей властью, привела к тому, что Приморская земская управа объявила в своей декларации о распространении своей власти на всю территорию Дальнего Востока[23]. А это могло привести к тому, что буфер с центром в Приморье, где находились значительные военные силы интервентов, в любой момент мог оказаться под ударами иностранных войск или под давлением с их стороны. При этом Советская Россия не могла бы обеспечить свободу маневра на Дальнем Востоке, и поэтому образование буфера не выполнило бы своей цели и задачи.

Между тем японские империалисты явно стремились продолжить и расширить свою интервенцию и разгромить создавшееся буферное государство с тем, чтобы самим создать на Дальнем Востоке «черный» буфер. Излюбленным методом японской военщины была прово-

---

[22] П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 183.

[23] См.: «Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке», стр. 172.

кация «инцидента», а затем посылка своих военных сил якобы для наведения порядка и, наконец, оккупация со всеми вытекающими последствиями. Так, 12 марта 1920 г. японцы провоцируют инцидент в Николаевске-на-Амуре.

Японцы в строгой тайне лихорадочно завершали подготовку разгрома революционных сил на Советском Дальнем Востоке. Для этого они вывели свои части из Амурской области и сосредоточили их в Приморье. В течение февраля и марта из Японии во Владивосток усиленно отправляли войска, вооружение, боеприпасы и амуницию.

В конце марта и начале апреля положение в Приморье стало крайне напряженным. Японские войска заняли важнейшие пункты Приморья. 30 марта было объявлено об отсрочке эвакуации японских войск на неопределенный срок. 2 апреля генерал Оой предъявил ультимативные требования Приморской земской управе: 1) дать право японским войскам свободно пользоваться всем для них необходимым — транспортом, казармами, складами и т. д.; 2) признать законность всех военных соглашений, заключенных Японией с белогвардейскими властями; 3) принять меры к прекращению в печати и в армии «большевистской пропаганды», запретить деятельность неугодных японцам организаций, не преследовать белогвардейцев, работающих по заданию японцев, и дать гарантию неприкосновенности жизни и имущества японских подданных[24]. Для разрешения японских требований была создана специальная русско-японская согласительная комиссия, в состав которой от земского правительства входили коммунисты Луцкий и Цейтлин и беспартийный полковник Попов, хорошо знавший японский язык. На всех заседаниях согласительной комиссии русские требовали вывода японских войск с территории Дальнего Востока и уличали японское командование в злостной намеренности, проявляющейся в разного рода конфликтах и инцидентах.

Ввиду напряженного положения Военный совет распорядился объявить города Приморья в осадном положении, а войскам Владивостока в случае нападения

---

[24] Цит. по кн.: П. А. Антохин. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1947, стр. 41—42.

японских войск было приказано не принимать боя и организованно отойти из города в сопки, чтобы сохранить живую силу и оружие, т. к. соотношение сил было неравное. Революционные войска во Владивостоке, на мысе Чуркина, на Русском острове, в Океанской, Шкотово, Сучане насчитывали приблизительно 19 тысяч человек, около десяти пулеметов, а у интервентов было около 70 тысяч солдат и офицеров всех родов войск, сотни пулеметов и несколько батарей артиллерии, все военные склады Владивостока и, кроме того, военная флотилия[25].

4 апреля русско-японская согласительная комиссия подписала официальное соглашение. При этом представители Японии сделали для вида некоторые уступки, всячески подчеркивая свои «мирные намерения» и свое удовлетворение достигнутыми результатами, чтобы усыпить бдительность революционных войск.

Не успела комиссия закончить свою работу, как японцы в ультимативной форме потребовали от земского правительства разоружения русских войск и отвода их от линии железной дороги и предъявили другие требования, которые ставили правительство Приморья в зависимость от Японии. В ночь с 4 на 5 апреля японские войска внезапно напали на русские гарнизоны во всех городах и крупных пунктах Приморья по заранее подготовленному плану. Узнав об этом, С. Лазо и члены Военного Совета успели связаться с некоторыми частями по телефону и дать приказ, не принимая боя, выходить из города в сопки. Однако большинство частей было окружено превосходящими силами врага и обезоружено. Японцы схватили Лазо, Луцкого и Сибирцева, увезли их и сожгли в паровозных топках на станции Муравьев-Амурский (ныне станция Лазо).

В других городах революционным войскам удалось после жестокой схватки пробиться. Во Владивостоке упорное сопротивление провокаторам оказали отряды грузчиков, организованные коммунистами Эгершельда (район г. Владивостока). Несмотря на то, что японцев здесь было в 4—5 раз больше, бой длился всю ночь. Лишь утром 5 апреля, когда у грузчиков не стало патронов, они бросились на врага в штыковую атаку и все

---

[25] См.: М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток. М., 1958, стр. 180—181.

погибли в рукопашной схватке. Дорого стоило нашим людям вероломство японской военщины.

Только в Хабаровске было убито и ранено свыше 2500 человек, в поселке Шкотово убито 300 человек, ранено более 100 человек[26]. Были убиты тысячи солдат и партизан и захвачены запасы оружия. Революционные войска были серьезно ослаблены, но сохранены. Коммунистическая организация Приморья временно перешла в подполье и продолжала свою работу по сплочению рабочих и солдатских масс. Дальневосточный областной комитет РКП(б) выпустил воззвание, в котором призвал все население подняться на борьбу с японскими интервентами и сорвать их намерение образовать в Приморье марионеточное правительство. В задачу революционного штаба, организованного областным комитетом партии, входило руководство партийной организацией, перевод ее на нелегальное положение. Ревштаб занимался выводом войсковых частей в безопасные места, снабжал их деньгами, продуктами питания, вооружением, медикаментами и т. п., устанавливал связь с частями, отступавшими из различных пунктов Приморья, усиливал политсостав частей, давал указания о направлении движения и т. д.[27]

Японская кровавая провокация вызвала бурю возмущения всех слоев населения Приморья[28].

Представители США и других европейских государств были прекрасно осведомлены о подготовке Японией оккупации Приморья и совершению контрреволюционного переворота с целью осуществить план «черного» буфера. Поскольку американский план создания либерально-буржуазного правительства во Владивостоке не удался, представители США надеялись на военный конфликт Японии с Советской Россией, который, по их мнению, должен был привести к падению Советской власти и ослаблению Японии, что позволило бы США серьезно укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. Таким образом, США и его союзники способствовали

---

[26] См.: П. Антохин. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье, стр. 42—43.

[27] См.: М. И. Губельман. Указ. соч., стр. 192—193.

[28] См.: «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 445, 449—451

кровавой провокации и несут полную ответственность за вероломное и коварное нападение японской военщины в Приморье.

Японское командование лицемерно заявило, что инцидент произошел в результате нападения русских частей на японцев. Земскому правительству пришлось волей-неволей обратиться с предложением начать переговоры о восстановлении нарушенного порядка. Приморское правительство было вынуждено подписать тяжелые условия «Соглашения 29 апреля». По этому соглашению японским войскам предоставлялось право распоряжаться всеми русскими заводами военного значения, оружейными складами и казармами. На всем протяжении Уссурийской железной дороги и в районе Сучана была установлена 60-верстная полоса отчуждения, куда запрещался въезд русских войск.

Это соглашение не случайно называют «дальневосточным Брестом»[29]: условия его были невероятно тяжелыми. Принятие его позволило революционным войскам мобилизовать и укрепить свои силы для того, чтобы в дальнейшем изгнать интервентов с территории Дальнего Востока. Пока же в городах и важнейших стратегических пунктах Приморья был установлен японский оккупационный режим[30].

* * *

В такой сложной и трудной обстановке стали закладываться основы Дальневосточной республики. Этими трудностями не преминули воспользоваться меньшевики и эсеры. Для повышения своих политических акций в создаваемом буферном государстве они стали на путь политического шантажа: отказывались участвовать в создании буфера, требовали изменить его границы и т. д. Меньшевики и эсеры выставляли себя единственной политической силой, способной исключить японскую интервенцию и войну с Японией и претендовали на руководящую роль в буферном государстве. Их притязания были достаточно претенциозными, но не отличались

---

[29] См.: С. Серышев. Борьба за власть Советов на Амуре.— В сб.: «Красный остров». Хабаровск, 1967, стр. 32.

[30] См.: Л. М. Папин. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957, стр. 142.

особой оригинальностью, т. к. еще в период Политцентра во время переговоров с коммунистами в Томске они добивались себе особого положения и заявляли, что не допустят буфера без них.

Между тем был сделан важный шаг на пути к образованию Дальневосточной республики: в Верхнеудинске был созван съезд трудящихся Прибайкалья, проходивший с 28 марта по 8 апреля 1920 г. На нем присутствовало 350 делегатов с правом решающего голоса. Докладчиком по основному вопросу съезда выступил А. М. Краснощеков. Он говорил, что «нам нужно изыскать новые, мирные пути, с помощью которых можно было бы вытеснить иностранных интервентов из нашего края. Буферное государство, которое мы создаем, должно встать между железным кулаком Советской Красной Армии и кулаком японского империализма»[31]. Если до съезда большинство делегатов было настроено против буфера, то после всестороннего разъяснения политики Советского правительства о необходимости образования буферного государства настроение делегатов изменилось, и съезд объявил себя учредительным собранием представителей трудящихся Забайкалья. 6 апреля съезд принял декларацию, которая провозгласила образование Дальневосточной республики, объединяющей Амурскую, Забайкальскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую области и полосу отчуждения КВЖД. В ней говорилось: «На территории ДВР устанавливается демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа, выявляемую через его избранных представителей и гарантирующая всем классам общества демократические свободы, обеспечивающие мирное развитие общественных сил»[32].

В декларации определялись важнейшие задачи правительства ДВР — продолжать борьбу с остатками реакции, завершить объединение всех областей края, созвать народное Учредительное собрание, чтобы дать республике демократическую конституцию.

Съезд избрал правительство из коммунистов и бес-

---

[31] «Дальневосточная республика», 1920, 4 апр.

[32] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях». Вып. I. Ч. III. М., 1928, № 10, стр. 17—18.

партийных крестьян[33]. Меньшевики и эсеры не были включены в состав правительства, так как они отказались принять участие в его формировании. Пленум правительства (Народно-революционная власть) состоял из 25 человек и выполнял законодательные функции. Из состава правительства выделялся деловой президиум из 9 человек, обладавший распорядительно-исполнительными функциями. Для руководства различными отраслями политической, экономической и социально-культурной деятельности постепенно стали создаваться министерства во главе с министрами, ответственными перед правительством. Одним из первых было создано министерство иностранных дел[34].

Председатель правительства, министр иностранных дел ДВР А. М. Краснощеков, желая создать правительство на коалиционных началах, стал уговаривать меньшевиков и эсеров, чтобы они вошли в состав образуемой власти, даже приглашал их из Иркутска[35]. В. И. Ленин, дал категорическое указание: «Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам без всяких условий, либо будут арестованы»[36].

Твердую позицию по отношению к меньшевикам и эсерам заняло Дальбюро РКП(б), оно отвергало все их требования и претензии. Чтобы не оказаться в полной политической изоляции, меньшевики и эсеры согласились послать своих представителей в состав правительства ДВР. Это обстоятельство надо расценивать как серьезное политическое поражение названных партий, поскольку они шли на коалицию на условиях, предложенных коммунистами. Однако, войдя в состав правительства, они не оставляли своих намерений вести борьбу за влияние в буфере, и это коммунисты учитывали.

Процесс создания органов центрального и местного управления сопровождался ликвидацией аппарата белой власти. Во главе большинства министерств и учреждений стояли коммунисты.

После создания земской власти в Прибайкалье бу-

---

[33] См.: «Документы внешней политики СССР», т. II. стр. 444—445.

[34] ЦПА ИМЛ, ф. 342, оп. 1, д. 10, л. 18.

[35] См.: М. Павлович. Советская Россия и империалистическая Япония. М., 1923, стр. 121.

[36] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 156.

ряты Западного Забайкалья созвали 16 марта 1920 г. совещание представителей бурятского населения освобожденных аймаков Восточной Бурятии. На этом совещании был образован временный общебурятский народно-революционный комитет, который должен был обеспечить создание революционных органов управления (ревкомов) в аймачных, хошунных и сомонных центрах и руководство ими, а также созыв съезда бурятского населения. У руководства общебурятским народно-революционным комитетом стали буржуазные националисты Э. Д. Ринчино, П. Н. Дамбинов, а в состав правительства ДВР вошел их представитель Б. Вампилун. Бурятские националисты выступали перед правительством ДВР с националистическими требованиями, идущими вразрез с коренными интересами трудящихся масс.

Огромное значение в развертывании государственного строительства ДВР имел рост и укрепление большевистских партийных организаций в Прибайкалье[37]. Партийное строительство проводилось под руководством Дальбюро РКП(б). Партийные организации проводили большую работу по разъяснению политики партии о необходимости образования временного буферного государства в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Трудность состояла в том, что не только беспартийные рабочие и крестьяне, но и некоторые коммунисты не понимали необходимость его образования.

Антибуферные настроения наблюдались среди отдельных работников Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. Так, на заседаниях Сиббюро ЦК РКП(б), состоявшихся 2 апреля 1920 г., В. Н. Соколов внес предложение «пересмотреть вопрос о буфере»[38]. На Иркутской губернской партийной конференции 9 апреля 1920 г. работа губкома была признана неправильной из-за того, что Краснощеков, который был председателем губкома партии, принимал самое деятельное участие в организации буферного государства и якобы неверно информировал ЦК РКП(б) и Совнарком о целесообразности создания буфера. Только после разъяснения Краснощекова и

---

[37] См.: Б. М. Митупов. Большевистские организации на территории Бурятии в 1918—1923 гг. В кн.: «Из истории партийной организации Бурятии». Улан-Удэ, 1961, стр. 38—44.

[38] ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 39.

выступлений других ответственных партийных работников конференция изменила свою оценку деятельности губкома партии и признала целесообразным образование Дальневосточной республики[39].

Противники буфера в Дальбюро РКП(б) А. А. Ширямов и Н. К. Гончаров отправляли заявления, телеграммы в ЦК и Сиббюро ЦК РКП(б), в которых сообщали о нецелесообразности строительства буфера. Н. К. Гончаров, например, несмотря на прямые указания В. И. Ленина, настаивал на переброске частей Красной Армии за Байкал[40].

Создавшаяся ненормальная обстановка в Прибайкальском отделении Дальбюро стала предметом обсуждения на заседании Сиббюро 2 мая 1920 г. Сиббюро постановило направить в Верхнеудинск своего члена тов. Смирнова для урегулирования создавшейся обстановки[41]. По инициативе Сиббюро ЦК РКП(б) 10—12 мая в Верхнеудинске было созвано чрезвычайное партийное совещание, которое окончательно и бесповоротно решило продолжать строительство буфера. Произошло изменение в составе Дальбюро. А. А. Ширямов был отозван, и членом Дальбюро РКП(б) стал В. И. Хотимский[42].

Правительству ДВР пришлось начинать свою деятельность в сложной обстановке.

Территория, занятая семеновскими бандами, составлявшими в марте 1920 г. около 20 тысяч человек при 496 пулеметах, 78 орудиях и 11 бронепоездах[43], и японскими интервентами в Восточном Забайкалье численностью около 6 тысяч штыков и сабель, разъединяла ДВР от других областей Дальнего Востока, образуя так называемую «читинскую пробку». Чтобы объединить Забайкалье с остальными областями Дальнего Востока, надо было прежде всего изгнать из Восточного Забайкалья белогвардейцев и японских интервентов, а для этого необходимо было создать вооруженные силы ДВР

[39] См.: «Власть труда», 1920, 11 апр; П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 184.

[40] ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 2а, л. 1.

[41] ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 60.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 19, л. 7.

[43] См.: Л. М. Папин. Указ. соч., стр. 145; С. Н. Шишкин. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957, стр. 136.

и развернуть гибкую политическую и дипломатическую деятельность.

Создание армии ДВР осуществлялось под непосредственным руководством В. И. Ленина и ЦК РКП(б).

По приказу из центра Восточно-Сибирская советская армия 25 февраля 1920 г. была преобразована в стрелковую дивизию. Командиром ее был назначен В. И. Буров, комиссаром А. А. Ширямов и начальником политотдела Л. Колосс. В первой половине марта части этой дивизии были переброшены из Иркутска в Забайкалье. 11 марта 1920 г. приказом Прибайкальской земской власти Иркутская стрелковая дивизия, Забайкальская группа советских войск и партизанские части Прибайкалья были преобразованы в Прибайкальскую Народно-революционную армию.

Создание руководящих органов НРА (Народно-революционной армии) проходило в острой борьбе коммунистов с эсерами и меньшевиками. Представители мелкобуржуазных партий, стремясь подчинить вооруженные силы ДВР своему идейно-политическому влиянию, добивались руководящих постов в армии. Эти попытки были пресечены коммунистами, которые с честью выполнили директиву ЦК РКП(б) о безраздельном коммунистическом руководстве боевым управлением армией. Военный совет НРА был утвержден в составе Г. Х. Эйхе — главком НРА, бывший командующий 5-й Красной Армией, Н. К. Гончаров — глава военного ведомства Прибайкальской земской власти (член Дальбюро РКП(б), бывший член Военного совета 5-й Армии) и А. А. Ширямов, член Дальбюро РКП(б).

Военный совет НРА, состоящий из коммунистов, сыграл большую роль в формировании Народно-революционной армии как подлинно революционной, рабоче-крестьянской армии, руководимой Коммунистической партией. Он ввел институт военных комиссаров, создал политорганы и коммунистические ячейки в частях НРА и выработал такие же положения и инструкции о политотделах, военкомах, комячейках и партийно-политической работе в НРА, какие были в Красной Армии. Военный совет НРА руководил работой по преобразованию партизанских частей Амурской области и Восточного Забайкалья в регулярную армию.

Цели и задачи Народно-революционной армии были такими же, как и у Красной Армии. В основу жизни и деятельности НРА были положены ленинские принципы строительства советских Вооруженных Сил. Военная политика буферного государства определялась ЦК РКП(б). НРА как составная часть Красной Армии непосредственно подчинялась помощнику главкома всеми вооруженными силами Советской России по Сибири В. И. Шорину. РСФСР взяла на себя снабжение НРА боевой техникой.

Командный состав НРА комплектовался из опытных командиров и политработников 5-й Красной Армии. Только из 30-й дивизии 5-й Армии было направлено в ДВР 50 командиров и политработников. Кроме того, большую помощь в строительстве НРА оказала Иркутская партийная организация, которая направила в распоряжение Дальбюро РКП(б) и Военного совета НРА несколько сот коммунистов и комсомольцев, имевших опыт военной работы.

Создание крепкой дисциплинированной регулярной Народно-революционной армии по образцу Красной Армии явилось важным шагом на пути укрепления Дальневосточной республики.

В апреле 1920 г. численность НРА достигла 25 тысяч штыков[44]. Вопреки противодействию буржуазных националистов в ряды НРА вступали и трудящиеся-буряты. Рабочие и крестьяне Западного Забайкалья с любовью относились к своей армии. Они оказывали разнообразную помощь бойцам НРА, организуя сбор предметов потребления, посылая подарки им. Они живо откликнулись на решение Дальбюро РКП(б) о проведении «Недели фронта». В результате на фронт было отправлено несколько вагонов подарков от населения.

Весной 1920 г. Военный Совет НРА принял решение о наступлении на Читу.

Первое боевое крещение молодая НРА выдержала с честью. Уже в первых суровых боях бойцы и командиры частей НРА проявили беспримерное мужество, героизм, стойкость, громя отборные части белых войск[45].

---

[44] См.: «Из истории гражданской войны», т. 3, М., 1961, стр. 719.
[45] См.: Л. М. Папин. Указ. соч., стр. 146—147; Б. М. Шерешевский. Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966, стр. 123—124.

Однако наступательные операции Народно-революционной армии на Читу весной 1920 г. в целом не увенчались успехом в силу ряда объективных и субъективных факторов. Наступающие части НРА не имели численного перевеса над врагом и не превосходили в отношении боевой техники. На стороне семеновцев выступали японские войска, пуская в ход против НРА кавалерию, артиллерию, самолеты, удушливые газы. Это затрудняло боевые действия НРА, ибо ей были запрещены военные действия против японских войск. К субъективным причинам неудачи наступления НРА относятся просчеты главкома и его штаба. Во время боевых действий коммуникации оказались растянутыми, а штаб НРА располагался в Верхнеудинске на расстоянии 400 км от фронта. При плохих средствах связи штаб не сумел обеспечить твердое управление войсками для одновременного массированного удара по врагу, как это было предусмотрено планом операции. А потому наступательные действия частей НРА оказались разрозненными и малоэффективными. Нереальным оказался план взаимодействия наступательных операций НРА с боевыми действиями партизан Восточного Забайкалья и Амурской области.

Несмотря на то, что НРА не достигла поставленной цели, весенние бои 1920 г. НРА имели большое военно-политическое значение, укрепив прежде всего политические позиции Верхнеудинского правительства ДВР, доказав японским интервентам, что НРА ДВР — серьезная боевая сила, решительная в наступлении и стойкая в обороне, что она не отказалась от задачи ликвидации «читинской пробки».

Наступательные операции НРА помогли партизанам Восточного Забайкалья реорганизовать партизанские войска по типу регулярной Красной Армии, что способствовало организационно-боевому укреплению и усилению войск Восточно-Забайкальского фронта под руководством командующего С. Д. Шилова. Части и соединения последнего не раз показывали прекрасные образцы замечательных боевых операций против белогвардейцев. Так, 27 апреля 9 и 11-й кавалерийские полки под командованием М. М. Якимова стремительным маршем заняли Нерчинский завод, гарнизон которого

перешел на сторону партизан. А затем в мае партизаны освободили от семеновцев и интервентов весь треугольник между реками Шилкой, Аргунью и Маньчжурской веткой железной дороги. Следовательно, политическое и стратегическое положение интервентов и Семенова нисколько не улучшилось.

Дальбюро РКП(б), правительство ДВР и командование НРА на основе критического изучения этого первого серьезного опыта боевой операции НРА выявили как сильные, так и слабые стороны, что позволило извлечь важные уроки и принять меры по укреплению НРА, которая была призвана разгромить белогвардейцев и изгнать интервентов с территории Дальнего Востока.

Глава II

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВОКРУГ ВЕРХНЕУДИНСКА. РАЗГРОМ СЕМЕНОВА И ЛИКВИДАЦИЯ «ЧИТИНСКОЙ ПРОБКИ»

Учредительный съезд, на котором было официально заявлено об образовании ДВР, 6 апреля 1920 г. выступил с «Обращением к правительствам США, Великобритании, Японии, Китая, Франции, Италии, РСФСР, к правительствам и народам всего мира»[1]. Съезд гарантировал всем слоям населения демократические свободы и выборы в Учредительное собрание после завершения объединения всех областей Дальнего Востока и пригласил все партии участвовать в управлении республикой. Зарубежным странам было предложено послать полномочных представителей. Дальневосточная республика желала установить с этими государствами дружеские связи во имя общих интересов мира. Гражданам этих стран гарантировалась «полная неприкосновенность личности и собственности».

14 мая 1920 г. правительство Советской России официально признало правительство Дальневосточной республики в Верхнеудинске и заявило, что оно «готово немедленно же вступить в официальные дипломатические отношения с правительством новой республики на предмет заключения торговли, экономических и политических соглашений» и пожелало «преуспевания Даль-

---

[1] См.: «Документы внешней политики СССР», т. II, № 296, стр. 444—445.

невосточной республике в мирном сожительстве с соседними странами»[2]. Этот акт имел исключительно важное значение. Он укрепил политические позиции правительства ДВР.

Следуя политике мира, проводимой Советской Россией, правительство ДВР прилагало усилия, чтобы мирным путем разрешить внешнеполитические проблемы, связанные с японской интервенцией в Забайкалье и на Дальнем Востоке. С этой целью оно вступало в многосторонние отношения с другими государствами. В конце марта 1920 г. командование НРА пыталось начать переговоры с японским командованием о беспрепятственном пропуске частей Народно-революционной армии на восток. Однако японское командование не ответило. Только 8 апреля японский полковник Хамзо потребовал от главкома НРА Эйхе воздействовать на восточнозабайкальских партизан, наносивших серьезные удары японским интервентам в районе Сретенска. Эйхе, отвергнув это требование, сослался на то, что «действующие восточнее Читы партизанские отряды не могли быть нами руководимы, т. к. продвижение наших частей вперед для установления законного порядка было задержано японским командованием»[3].

Между тем обстановка, сложившаяся после апрельского кровавого разбоя японской военщины на русском Дальнем Востоке, оказалась для Японии крайне неблагоприятной.

Во-первых, позиции японцев на русском Дальнем Востоке нисколько не укрепились. Провокация японцев вызвала бурное негодование всех слоев русского населения Дальнего Востока. Попытки японцев создать марионеточный режим не увенчались успехом. Революционные силы Приморья не были разгромлены, партийная организация края ушла в подполье и сохранила свои кадры, связи. Она возглавила борьбу трудящихся против интервентов. Во-вторых, международное положение Японии резко ухудшилось из-за резко отрицательного отношения общественности капиталистических стран к этой провокации. Союзники также отмежевались и

[2] «Документы внешней политики СССР», т. II, № 346, стр. 514; «Борьба за власть Советов в Приморье...», стр. 476.

[3] «Дальневосточная правда», 1940, № 2, 17 апр.

заявили, что провокация произошла по инициативе Японии без их ведома, хотя, как известно, они всячески поддерживали это кровавое злодеяние Японии. В-третьих, углублялся кризис промышленности, сельского хозяйства, финансов в Японии, росло движение протеста трудящихся масс против империалистической интервенции в Советской России. В-четвертых, усилились разногласия в правящих кругах Японии. В связи с этим в политике Японии наметились новые веяния. Она решила укрепить свои позиции на Дальнем Востоке путем дипломатического нажима на Советскую Россию, используя военное нападение панской Польши на нее.

Новое веяние политики нашло свое отражение в выступлении министра иностранных дел Японии Уцида в парламенте с декларацией по дальневосточным делам, в которой указывалось якобы о мирных дружественных намерениях японского правительства в отношении русского народа и т. д.

О настоятельной необходимости переговоров с Россией заявлено в официальной декларации командующего японскими оккупационными войсками генерала Моримото Оой от 11 мая 1920 г. Правительство ДВР с согласия Советского правительства приняло предложение японского командования о начале мирных переговоров и выразило согласие встретиться с его представителями.

24 мая на ст. Гонгота (100 км западнее Читы) состоялась встреча между делегацией ДВР, возглавляемой членом правительства Ф. Н. Петровым, и делегацией японского командования во главе с полковником Куросава. Япония пыталась привлечь к переговорам на равных началах представителей атамана Семенова. Но эта попытка была отвергнута делегацией ДВР. Глава делегации ДВР Ф. Н. Петров вскрыл полную несостоятельность заявления японской делегации о том, что якобы ДВР пропустила части Красной Армии на свою территорию, заявил также, что переговоры должны иметь целью заключение перемирия на всех фронтах Дальнего Востока, ликвидацию «читинской пробки» и открытия железнодорожного и телеграфного сообщения на всей территории края.

Делегация ДВР, руководствуясь директивами Сиб-

бюро ЦК РКП(б), решительно отвергла домогательства японской делегации отодвинуть западную границу нейтральной зоны до Байкала. Империалисты Японии строили планы создать на территории Забайкалья и Дальнего Востока буферное государство под японским протекторатом. Поэтому Япония не хотела признавать Верхнеудинское правительство правительством всего Дальнего Востока, поддерживая претензии правительства Приморья о распространении своей власти от Владивостока до Байкала. Однако переговоры зашли в тупик и вскоре были прерваны под предлогом, что японская делегация имела полномочия вести переговоры о заключении перемирия только на Читинском фронте.

В мае 1920 г. земское правительство во Владивостоке было реорганизовано. Был создан Совет управляющих ведомствами, который представлял из себя кабинет министров во главе с коммунистом П. М. Никифоровым[4].

Образовавшееся в результате переворота 31 января 1920 года земское правительство, руководимое коммунистами, проводило политику в интересах народа. Это не устраивало интервентов. Они, стремясь скомпрометировать Приморское правительство, заявляли о том, что оно якобы не признано всем населением края. Для того, чтобы пресечь эту лживую реакционную пропаганду, Совет управляющих, возглавляемый коммунистами, решил организовать выборы в Народное собрание как высший орган власти на основе всеобщего избирательного права. Коммунисты были уверены, что выборы помогут «создать такой общественный орган, который объединил бы вокруг себя основные слои населения Дальнего Востока»[5]. Как показали результаты выборов, народ поддержал и одобрил политику коммунистов.

Заседание Народного собрания Приморья, Сахалина и Камчатки открылось 24 июня 1920 года[6]. Из 130 депутатов 26 были коммунистами, 75 депутатов представляли крестьянскую фракцию (подавляющее большинство их выступало на стороне коммунистов), 9 эсеров,

---

[4] См.: П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 199—200.

[5] П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 199.

[6] См.: П. И. Кабанов. Дальневосточная республика. Канд. диссертация, стр. 78.

4 меньшевика, 4 кадета, 9 представителей цензовой буржуазии, 1 беспартийный. Таким образом, Народное собрание отражало абсолютное рабоче-крестьянское большинство. Приморские коммунисты стали решающей силой в Народном собрании и правительстве.

Коммунистическая организация Приморья, учитывая недовольство буржуазии интервентами, пригласила представителей цензовой буржуазии войти в состав правительства. Такое решение обосновывалось тем, что «в силу сложившихся обстоятельств, не отказываясь от своих конечных целей, наша партия вполне сознательно в настоящее время пошла на уступки буржуазии... путем предоставления ей мест в кабинете министров» для того, чтобы объединить «все слои населения для противопоставления силам интервентов»[7].

При руководящей роли Коммунистической партии в правительстве и в Народном собрании такого рода уступки мелкобуржуазным партиям и буржуазии не представляли собой какого-либо отклонения от пролетарской линии борьбы. «...*Для пользы дела*, указывал В. И. Ленин, пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию»[8]. Но руководящие партийные работники Приморья переоценили значение коалиции с мелкобуржуазными и буржуазными партиями против японской интервенции. Под влиянием коалиции неверно решался такой важный вопрос, как объединение всех областей Дальнего Востока вокруг Верхнеудинска. Члены Владивостокского отделения Дальбюро не признавали Верхнеудинское правительство центральным правительством, хотя им было известно, что Советская Россия признала его. Руководящие работники Приморья настаивали на том, что центром должен быть Владивосток. Такая точка зрения явилась, в известной мере, отражением давления со стороны Японии и поддерживавших ее буржуазных и мелкобуржуазных партий и не отвечала коренным задачам создания просоветского буфера.

Таким образом, коалиция коммунистов с буржуазией затрудняла борьбу за объединение Дальнего Востока вокруг Верхнеудинска как единственно правильного

[7] «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 505.
[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 13.

средства осуществления политики Коммунистической партии и Советского правительства по вопросу о буфере.

Правда, на областной партийной конференции, состоявшейся 10 июня 1920 г., докладчик В. Г. Антонов подчеркивал, что Приморское отделение Дальбюро РКП(б) никогда категорически не ставило вопроса об объединении областей Дальнего Востока вокруг Владивостока, что на этом настаивала буржуазия, входившая в состав Приморского правительства[9].

П. М. Никифоров также оправдывал позицию руководящих деятелей Приморья по этому вопросу. Он объяснял это следующим образом. Руководители Приморья возражали против немедленного признания Верхнеудинска центром буфера потому, что это могло послужить Японии предлогом для усиления агрессии. Они настаивали на том, чтобы решение этого вопроса отложили до созыва конференции по объединению областей и принятию ею решения, в противном случае, считали они, японцы смогут использовать оппозицию в Народном собрании и в правительстве Приморья для того, чтобы поставить у власти открыто реакционные силы[10]. Приводимые П. М. Никифоровым доводы несостоятельны, так как нарастающие внешнеполитические и внутриполитические трудности Японии в то время не позволяли ей осуществлять захват власти вооруженной силой.

Правда, японские интервенты, используя существование двух правительств ДВР, стали на путь шантажа, активизировав свои агрессивные действия против революционных сил края и ДВР. Однако они потерпели неудачу. Семеновцы также предприняли 7—8 июня 1920 г. крупное наступление на Восточно-Забайкальском и Амурском фронтах, которое закончилось провалом. Японские интервенты были вынуждены подписать 27 июня 1920 г. соглашение о перемирии и нейтральной зоне с делегацией Восточно-Забайкальского и Амурского фронтов. Это означало не только военно-политическое, но и морально-политическое поражение интервенционистской политики японской военщины.

---

[9] См.: Л. И. Беликова. Из истории ДВР (1920—1922 гг.). «Тр. Дальневосточного филиала Сиб. отд. АН СССР», т 2. (Серия истор.) Владивосток, 1961, стр. 65.

[10] См.: П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 214.

Японским войскам необходимо было эвакуироваться из Забайкалья. Однако оставались еще войска атамана Семенова. Белогвардейцы попытались «демократическими» средствами спасти семеновщину. В Чите было открыто заседание так называемого краевого «народного» собрания. Атаман Семенов выступил с речью на его открытии. Рядясь в тогу «истинного демократа», он стал говорить о необходимости борьбы за подлинное «народоправство». Это была попытка сугубо реакционных деятелей с помощью «демократии» спасти атамановщину и сделать возможным сговор между Владивостоком и Читой.

Приморское правительство в начале июля 1920 г. направило официальные приглашения представителям других правительств и в том числе председателю семеновского краевого «народного» собрания принять участие в государственном совещании по вопросам о способах и форме объединения областей и образования Дальневосточной республики. Владивостокские коммунисты решились на совещание с семеновской Читой, очевидно, во имя того, чтобы предотвратить войну Японии с Советской Россией[11].

Попытка созвать такое совещание провалилась. Представители Верхнеудинска и Благовещенска отказались участвовать в нем, так как они знали, что совещание во Владивостоке будет находиться под фактическим контролем японских интервентов. Семеновская Чита признала возможным такое совещание «при обязательном условии недопущения на нее верхнеудинских большевиков и предварительного признания всеми сторонами акта Колчака от 5 января 1920 года»[12]. Приморскому правительству пришлось вести переговоры с одной лишь семеновской делегацией.

Ошибка руководителей владивостокских коммунистов состояла в том, что они допустили эти переговоры и в решении Семенова передать власть Приморскому народному собранию, в которое вошли представители Восточного Забайкалья, видели возможность мирной самоликвидации семеновщины. Однако главари белогвардейцев шли на объединение областей и строительст-

---

[11] См.: П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 214.
[12] П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 216.

во буферного государства не в целях самоликвидации белогвардейщины. Они шли на это, чтобы сделать буфер прояпонским.

Постановка вопроса о коалиции с буржуазией встретила во Владивостокской организации серьезные возражения. На партийном активе эта точка зрения не получила большинства голосов. Тем не менее руководящие деятели Приморской партийной организации продолжали свою ошибочную линию. Они полагали, что коалиция обеспечила создание «единого национального фронта» против интервенции и лишила японцев какой-либо опоры внутри края[13].

На самом деле буржуазные партии, используя коалицию, стали решающей силой в правительстве, особенно со времени прихода к власти коалиционного правительства во главе с меньшевиком Бинасиком. Все главные посты в правительстве были захвачены представителями буржуазных и мелкобуржуазных партий. Последние за спиной коммунистов установили связь с японскими интервентами и стали на путь создания буржуазно-демократического государства как по форме, так и по существу. Правительство допустило на территорию Приморья каппелевцев, разместив их в казармах городов Южного Приморья.

Было ясно, что правые силы в Народном собрании и кабинет министров сомкнулись с интервентами. Даже меньшевистская газета «Наш голос» констатировала растущую зависимость приморских цензовиков от интервентов.

Как видим, тактика коалиции, проводимая партийной организацией Приморья, потерпела неудачу. Приморская коалиция принципиально отличалась от той коалиции, которую осуществляло в первые месяцы существования ДВР Верхнеудинское отделение Дальбюро

---

[13] П. М. Никифоров в своей книге «Записки премьера ДВР» утверждает, что коммунистам Приморья летом 1920 г. удалось создать «национальный противояпонский фронт», объединявший рабочих, крестьян и торгово-промышленную буржуазию; изолировать Японию от всех классов населения Дальнего Востока и что правительственная коалиция совместно с Народным собранием превратилась в серьезную антияпонскую силу» (стр. 208—211). С этими утверждениями нельзя согласиться, так как они не соответствуют действительности.

РКП(б). Как известно, претензии верхнеудинских эсеров и меньшевиков занять в правительстве и армии ДВР руководящее положение были решительно отвергнуты. Им были предоставлены второстепенные посты. Руководящая же роль в правительстве оставалась за коммунистами.

Против ошибочной политики руководителей Приморья выступали партийные организации Прибайкалья, Амурской области. Да и Приморская партийная организация не одобряла политику «единого национального фронта». Наоборот, Владивостокский горком РКП(б) считал: «если рабочие не позаботятся о том, чтобы послать в Народное собрание как можно больше представителей, руководство народным собранием перейдет в руки таких «демократов», которые относятся враждебно не только к Советской России, но и к демократическому строю»[14].

Только вмешательство ЦК РКП(б) и его Сиббюро позволило выправить ошибочную позицию руководящих работников Приморской партийной организации. Решительное осуждение поведения членов Дальбюро во Владивостоке со стороны Сиббюро ЦК РКП(б) с угрозой применения организационных выводов возымело действие на партийных руководителей Приморья. Сиббюро ЦК РКП(б) дало указание Владивостоку, что директивы из Верхнеудинска подлежат исполнению в срочном порядке[15].

Приморское правительство по настоянию Народного собрания, в котором, как уже говорилось, коммунисты играли руководящую роль, было вынуждено заявить, что оно в полном согласии с единым по духу и по программе Временным правительством Верхнеудинска, окажет ему всю свою поддержку[16], и направило в августе 1920 г. делегацию в Верхнеудинск для ведения переговоров.

Непоследовательность Сиббюро ЦК РКП(б) в решении вопроса о строительстве буферного государства

---

[14] «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 48.

[15] См.: Л. И. Беликова. Из истории ДВР (1920—1922 гг.). «Тр. Дальневосточного филиала Сиб. отд. АН СССР», т. 2. (Серия истор.). Владивосток, 1961, стр. 67.

[16] См.: П. М. Никифоров. Указ. соч., стр. 198.

также сказалась на деятельности Приморской коммунистической организации. В тезисах о работе Дальбюро РКП(б), написанных В. И. Хотимским и утвержденных на заседании Сиббюро 23 мая 1920 г., в 5-м пункте записано: «Считать вероятным по создавшемуся международному положению образование буфера в Уссурийском крае Сиббюро предлагает Дальбюро РКП(б) вести свою деятельность в направлении подготовки условий по возможности безболезненного перехода к Советской власти в Забайкалье и Амурской области»[17].

Эта директива была неправильной, ошибочной, она не соответствовала указаниям центра и В. И. Ленина, поэтому вызвала острую дискуссию в Верхнеудинском отделении Дальбюро. А. М. Краснощеков решительно выступил против ошибочных положений тезисов. Эти вопросы явились предметом обсуждения на зеседаниях Сиббюро ЦК РКП(б), проходивших 4 июля и 24 июля 1920 года. Сиббюро пришло к неправильному выводу о неизбежности войны между Японией и Советской Россией. Из неправильной оценки положения вытекало, что в случае наступления японских войск Красная Армия будет вынуждена отступить, оставляя уже укрепленные позиции[18].

Ошибка членов Сиббюро особенно проявилась на заседании 24 июля 1920 г. На заседании В. Н. Соколов говорил, что Краснощекова надо заменить и повести открытую советскую политику, оставив в Верхнеудинске Шумяцкого и Хотимского. Яковлева заявила, что видимость буфера надо сохранить и при удобном моменте превратить его в Советскую власть. Ее поддержал председатель Сиббюро Смирнов. Он настаивал на том, чтобы отозвать Краснощекова в Москву.

Принципиальной, ленинской постановки вопроса о буфере не было на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) от 24 июля. Вместо этого был сделан пессимистический вывод о том, что Владивосток для Советской России погиб, что в Уссурийском крае будет создан «черный» буфер, то же назревает в Амурской области.

После перерыва началось заседание Сиббюро теперь уже в присутствии Краснощекова. В своем выступлении

---

[17] ПАНО, ф. I, оп. 3, д. 2, л. 211.
[18] ПАНО, ф. I, оп. 2, д. 3, л. 3.

Краснощеков дал подробный анализ сложившейся политической обстановке на русском Дальнем Востоке и указал, что политика японской оккупации края не удалась. Он сказал, что Япония будет стараться поддерживать все реакционные элементы Дальнего Востока, чтобы создать «черный» буфер. После 4 месяцев существования буфера мы убедились, говорил он, что Япония не может взять Дальний Восток как территориальную единицу, да им и невыгодно при кризисе, который сейчас переживается Японией, оккупировать Дальний Восток. Японии надо во что бы то ни стало опереться на буфер, чтобы оправдаться перед японским общественным мнением. Кроме того. Япония должна иметь опору в русском населении, чтобы показать Западу, что у нее нет никаких захватнических намерений, а держит она свои военные силы для борьбы с большевиками. Когда в мае получили первое заявление Японии о создании нейтральной зоны, мы ответили, что «с Японией не воевали и теперь войны не ведем». Весь берег Тихого океана в руках Японии. В тылу японцев идет борьба партизанских отрядов. В Забайкалье силы японцев слабы. «По моему убеждению, выступления японцев на нашем фронте не предвидится и нет надобности выделять нам две дивизии»,— заявил он.

Краснощеков настаивал на том, чтобы тезисы Сиббюро, которые привез тов. Хотимский и в которых говорится о подготовке Дальнего Востока к переходу к Советской власти, должны быть отменены.

Он также отметил, что политика Америки чисто провокационная: с одной стороны, не дает Японии оккупировать край, а с другой — помогает Японии действовать против Советской России[19].

Следов обмена мнениями по докладу Краснощекова в протоколе нет.

Сиббюро вынесло решение: буфер должен существовать. 4 февраля 1920 г. на заседании Сиббюро обсуждалась телеграмма Смирнова, в которой предлагалось рассмотреть вопрос о создании Забайкальского буферного государства и о включении в состав правительства Краснощекова. Сиббюро возражало против кандидатуры Краснощекова и указывало, что, по информации

[19] ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 10.

тт. Янсона, Виленского и других дальневосточников, поручить политическое руководство Краснощекову невозможно[20]. На заседании Сиббюро 29 февраля 1920 г. единогласно было вынесено решение немедленно вывести Краснощекова из состава правительства, ибо считали его «не заслуживающим доверия вообще, и как политического представителя в особенности»[21].

Такое отношение некоторых руководящих работников Сибири к Краснощекову было характерным на всем протяжении его деятельности в ДВР.

В. И. Ленин положительно оценивал деятельность А. М. Краснощекова на посту председателя правительства ДВР. В письме членам Политбюро ЦК РКП(б) от 30 марта 1922 года он охарактеризовал его как «человека, несомненно, умного, энергичного, знающего, опытного...», который «показал себя умным председателем правительства в ДВР, где едва ли не он же все организовывал»[22].

После приезда А. М. Краснощекова в Москву и получения письма Сиббюро проблемы дальневосточной политики подвергались тщательному изучению и рассмотрению в ЦК РКП(б). По предложению В. И. Ленина они обсуждались на Пленумах ЦК РКП(б), состоявшихся 17 июля и 5 августа 1920 года. Было принято решение передать все вопросы, связанные с Дальневосточной республикой, на рассмотрение комиссии Крестинского, Преображенского, Чичерина. Представленные комиссией «Краткие тезисы по Дальневосточной республике» были утверждены Политбюро ЦК РКП(б) 13 августа 1920 года.

«Краткие тезисы» явились главным программным документом, определившим основы политики партии и правительства на Дальнем Востоке. Согласно тезисам вся территория от Байкала до Тихого океана представляет собой единую Дальневосточную республику.

В них были четко определены как характер буфера, так и важнейшие принципы его строительства. В тезисах указывалось, что «буржуазно-демократический характер буфера является чисто формальным», что «введе-

[20] ПАНО, ф. I, оп. 3, д. 2, л. 12.
[21] ПАНО, ф. I, оп. 3, д. 2, л. 21.
[22] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 219.

ние парламентского строя не должно быть допущено... Абсолютно недопустимо формальное отрицание института частной собственности. Но путем ряда ограничений, как, например, конфискации предприятий врагов народа, особенно сбежавших за границу, проведением государственной монополии на хлеб и товарное сырье и других мер, должно быть создано целесообразное для коммунистического руководства промежуточное политическое положение. ЦК РКП(б) руководит политикой ДВР через назначенное из центра Дальбюро, непосредственно подчиняющееся ЦК РКП(б)»[23]. Никакие серьезные принципиальные вопросы не могут быть решены правительством ДВР без согласия центральной Советской власти и ЦК партии.

По вопросу о столице ДВР в решении было записано, что Владивосток признан неподходящим, поскольку он удален и фактически находится в руках японских интервентов[24].

ЦК РКП (б) и СНК не согласились с предложениями Сиббюро ЦК РКП(б) об отзыве тов. Краснощекова из Сибири и оставили его на посту главы правительства ДВР[25]. По этому решению ЦК РКП(б) Дальбюро РКП(б) было преобразовано в Дальбюро ЦК РКП(б) с непосредственным подчинением Центральному Комитету. Это было вызвано тем, что в составе Дальбюро было два отделения, между которыми возникали разногласия, что создавало трудности в деятельности ДВР.

Со времени образования Дальбюро ЦК РКП(б) появился единый и признанный всеми коммунистическими организациями руководящий партийный центр Дальнего Востока, который проводил политику преодоления местнических тенденций в Приморье и боролся против отклонений от принципов буферного государства.

Серьезные успехи были достигнуты молодой дипломатией ДВР. Гонготские переговоры между делегациями ДВР и Японии, которые дважды прерывались япон-

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 32, л. 1; д. 33, л. 2.

[24] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. I, д. 19, лл. 7—9; «История гражданской войны в СССР», т. 5, стр. 343—344.

[25] Однако у А. М. Краснощекова наблюдалась тенденция превратить буфер в фактически самостоятельное буржуазно-демократическое государство. Поэтому в сентябре 1921 г. он был отозван в Москву. Председателем правительства ДВР стал Н. М. Матвеев.

цами, успешно завершились. На этих переговорах делегации ДВР (во главе с Ф. Н. Петровым, а затем В. С. Шатовым) пришлось выдержать острую политическую борьбу с опытными и хитрыми дипломатами Японии. Эта борьба кончилась подписанием соглашения от 15 июля 1920 г. о прекращении военных действий с 18 июля и об установлении нейтральной зоны между линией японских войск и линией расположения НРА, где административная власть принадлежит властям ДВР[26]. Японское командование заявило об эвакуации своих войск из Забайкалья и Приамурья. 17 июля оно вынуждено было подписать ноту-меморандум о том, что единственным способом, обеспечивающим мир на Дальнем Востоке, является образование здесь самостоятельного государства на широкой демократической основе, с единым правительством, без вмешательства в дела этого государства других государств. Соглашение обеспечило кратковременную передышку на Дальнем Востоке. С 25 июля началась эвакуация японских войск из Забайкалья, которая закончилась осенью 1920 года.

Декларация японского правительства от 3 июля 1920 г. об оккупации Сахалина и эвакуации войск из Забайкалья[27] вызвала большую тревогу в стане семеновцев, ибо после ухода японских войск атаман Семенов не рассчитывал на свою военную силу. Он приложил много усилий для того, чтобы добиться пересмотра решения о выводе японских войск с Читинского плацдарма. По этому поводу Семенов отправил даже «слезное» послание японскому наследному принцу[28]. Однако хлопоты его были безуспешными. Тогда Семенов решил изменить свою тактику: из белогвардейского атамана, известного своими бандитскими злодеяниями и расправами над населением, он превратился в новоявленного «демократа», скрывая свое лицо агента империалистической Японии дымовой завесой дипломатической игры. На экстренном заседании Читинского «народного» собрания атаман Семенов выступил в роли «миротвор-

[26] См.: «За власть Советов». Сб. документов. Чита, 1957, стр. ... 342.

[27] См.: «Внешняя политика СССР», т. I, М., 1944, стр. 385.

[28] См.: П. М. Никифоров. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М., 1923, стр. 14—15.

ца», который представлял дело так, что возглавляемое им правительство делает многое «по прекращению гражданской войны» и «мирному урегулированию» назревших вопросов, и что с этой целью оно установило контакт с главой Владивостокского правительства.

Игре атамана Семенова в «демократию» поверила прежде всего первая приморская делегация[29], направленная для переговоров в Верхнеудинск, в честь которых Семенов устроил в Чите торжественное заседание правительства с привлечением «общественности», обед с речами и тостами. На обратном пути из Верхнеудинска делегация Приморского правительства снова была торжественно встречена. За это время Семенов получил от японцев окончательный ответ об эвакуации японских войск из Забайкалья и потому значительно «полевел»: разрешил существование политических партий, заменил своего командующего генерала-черносотенца Лохвицкого каппелевцем Вержбицким. Он каялся Приморской делегации в прошлых «ошибках» и «некоторой своей реакционности». Поверив Семенову на слово, Приморская делегация подписала с ним 24 августа на ст. Хадабулак соглашение (коммунисты, члены приморской делегации, не принимали участия в подписании соглашения), которое было прямо противоположным соглашению, подписанному делегацией в Верхнеудинске.

По хадабулакскому соглашению Приморская область и Забайкалье составили единое государственное образование во главе с Приморским Народным собранием. Семенову вменялось в обязанность назначить в Забайкалье демократические выборы в Народное собрание Дальнего Востока. Делегация согласилась с тем, чтобы Семенов продолжал пользоваться «правами выборного атамана всех казачьих войск ДВР и главнокомандующего войсками Забайкалья».

На следующий день после заключения соглашения с владивостокской делегацией Семенов обратился с воззванием к населению, в котором, козыряя соглашением,

---

[29] Эта делегация выехала из Владивостока 5 августа 1920 г. в составе меньшевика Кабцана (председатель), коммунистов Кушнарева и Похвалинского, беспартийных крестьян Абоимова и Пеюхина, кадетов Руднева и Еремеева.

изображал себя не только «демократом», но и противником интервенции. «Довольно быть безвольной болванкой в руках тех или иных интервентов»,— заявил он[30].

По требованию меньшевиков, эсеров, народных социалистов Семенов издал 9 сентября 1920 г. указ о роспуске краевого «народного» собрания и передаче всей полноты гражданской власти общественным организациям.

Идя на такие меры, Семенов был убежден, что новое «Временное Забайкальское «народное собрание», состоявшее в своем большинстве из меньшевиков и эсеров, не представляло угрозы для него, более того оно должно было ему помочь в переговорах с Владивостоком.

Хадабулакское соглашение вызвало бурю возмущения и протест широких масс Дальнего Востока. Сиббюро ЦК РКП(б) предложило Никифорову «безоговорочно проводить линию приоритета ДВР, оставаясь целиком на почве соглашения вашей делегации с правительством ДВР в Верхнеудинске. Соглашение этой делегации с Семеновым должно быть отвергнуто, как всякое признание Семенова»[31].

Коммунисты Владивостока, выполняя директивы Сиббюро, добились того, что Приморское народное собрание признало хадабулакское соглашение «всецело неприемлемым», а «соглашение в Верхнеудинске должно быть положено в основу работы по объединению Дальнего Востока»[32].

Когда переговоры с Владивостоком кончились неудачей, атаман понял, что игра в «демократию» провалилась.

Семенов сбросил маску «демократии» и призвал контрреволюционные силы сплотиться в борьбе против большевизма. Характерны его телеграмма к Врангелю, в которой он выражал чувство глубочайшей преданности тому «делу», за которое боролся барон Врангель, или его письмо к У. Черчиллю, в коем он заверял последнего, что его армия готова «каждый момент ринуться на но-

---

[30] П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 232.

[31] ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 50, л. 121.

[32] Цит. по кн.: Л. М. Папин. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957, стр. 178.

вый бой... на последний решительный штурм большевизма»[33]. Однако судьба Семенова была уже предрешена.

После Гонготского соглашения в центре внимания Дальбюро ЦК РКП(б) и правительства ДВР стали вопросы объединения всех областей Дальнего Востока в единое демократическое государство. Однако при их решении встретились некоторые трудности, связанные с сепаратистскими тенденциями Приморского правительства. Чтобы преодолеть эти тенденции, Сиббюро по прямому указанию ЦК РКП(б) направило в адрес Дальбюро телеграмму, подписанную Смирновым. В ней сообщалось, что «все коммунисты Дальнего Востока будут исключены из партии и объявлены изменниками, если не подчинятся немедленным директивам Центра и не признают Верхнеудинск центральным правительством ДВР»[34]. Когда телеграмма дошла до коммунистов Приморья, они приняли декларацию (14 августа), утвержденную Народным собранием Приморья. В декларации было заявлено об официальном признании Верхнеудинского правительства центральным правительством ДВР. Народное собрание Приморья направило делегацию в Верхнеудинск в ответ на предложение А. М. Краснощекова послать представителей на совещание областных правительств по вопросу объединения Дальнего Востока.

. В состав владивостокской делегации вошли П. М. Никифоров (коммунист), Кабцан (меньшевик) и Труш (эсер). Делегация выехала 10 сентября 1920 г. Амурскую делегацию возглавил большевик Д. С. Шилов, читинскую делегацию — Фадеев (меньшевик).

26 сентября состоялась предварительная встреча делегаций, на которой А. М. Краснощеков огласил декларацию правительства ДВР о путях и характере образования буферного государства. Главы делегаций одобрили ее.

На официальных заседаниях делегаций было решено, что право участия в конференции будут иметь лишь те правительства, которые обладают всей полнотой как гражданской, так и военной власти. Читинское «народное» собрание, не обладавшее такой властью, не допу-

---

[33] ЦГАОР и СС, ф. 431, оп. 1, лл. 9, 10.
[34] Л. И. Беликова. Указ. соч., стр. 66—67.

скалось на конференцию, которую решили созвать в середине октября 1920 года либо в Чите, либо в Верхнеудинске (если Чита не будет освобождена). Вопрос о ликвидации «читинской пробки» ввиду разногласий между делегатами остался открытым[35].

В августе — сентябре 1920 г. руководство ДВР развернуло деятельную подготовку сил к ликвидации «читинской пробки» вооруженным путем, поскольку мирный путь исключался.

Укреплялась Народно-революционная армия с учетом опыта боев в апреле — мае. Была увеличена ее численность, к середине сентября она была доведена до 63 200 человек. Поднялся авторитет и усилилось влияние Коммунистической партии в армии. Произошел значительный рост партийной организации НРА; к началу августа 1920 г. стало 100 ячеек (вместо 57 к началу 1920 г.) и 2961 кандидат и член партии (вместо 823). Усиление политорганов позволило развернуть активную работу по воспитанию бойцов. Все это сыграло важную роль в укреплении боеспособности НРА. Улучшилась система снабжения, проводилась напряженная и регулярная боевая учеба. Политико-моральное состояние народоармейцев было высоким. Все они были охвачены единым стремлением разгромить белогвардейцев и освободить Читу.

Гонготское соглашение сковывало оперативные возможности НРА в наступлении на Читинский плацдарм Семенова с запада. К тому же участились семеновские провокации против частей НРА, цель которых состояла в том, чтобы развязать военные действия и тем самым создать предлог для прекращения эвакуации японских войск. Поэтому правительство ДВР приняло меры по развертыванию партизанского движения в районах, смежных с расположением НРА. На партизанские отряды делалась основная ставка в борьбе с белогвардейцами, поскольку гонготское соглашение запрещало действия регулярных частей НРА.

В сентябре 1920 г. были сформированы три крупных партизанских отряда: один должен был действовать севернее Читы, другой — южнее Читы, а третий

---

[35] См.: Б. М. Шерешевский. Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966, стр. 193—194.

выступил на борьбу с Унгерном, возглавлявшим конно-азиатскую дивизию, направлявшуюся через Монголию в Троицкосавск для глубокого обхода правого фланга НРА[36].

В сентябре — октябре 1920 г. группа партийных и военных работников в составе И. Л. Ковалева, Л. Я. Колоса (Леонидов), И. А. Кузнецова (Воронов), В. И. Манторова (Конов, он же Мальков), М. И. Тайшина (Борцов) и Г. Фильшина (Власов), была направлена на территорию, занятую семеновцами, для руководства революционной работой, организации народных восстаний и установления власти Дальневосточной республики[37].

В Восточное Забайкалье, ставшее центром борьбы с семеновщиной, поехала группа из 23 опытных командиров и политработников во главе с Я. П. Жигалиным. Это было очень важно, так как Восточно-Забайкальский фронт испытывал острый недостаток в штабных командирах. В начале июля они добрались до центра Восточно-Забайкальского и Амурского фронтов — ст. Зилово[38]. Группа привезла с собой положения, уставы, наставления Красной Армии. В соответствии с директивами Дальбюро ЦК РКП(б) и решениями партизанских отрядов Восточного Забайкалья и Амура они приступили к реорганизации партизанских войск в Народно-революционную армию с регулярными соединениями и частями. Уже в августе из разнообразных партизанских формирований были созданы регулярные соединения и части. Командование Народно-революционной армии к востоку от Читы имело в своем распоряжении следующие силы: около 20 тысяч сабель, 10 тысяч штыков с двумя бронепоездами, двумя легкими танками и 35 орудиями[39]. Восточно-Забайкальский фронт был переименован в Амурский. Возглавил его Военный совет в составе командующего фронтом Д. С. Шилова[40], членов совета Я. П. Жигалина и С. Г. Вележева.

---

[36] См.: С. Н. Шишкин. Указ. соч., стр. 164—165.

[37] См.: Б. М. Шерешевский. Указ. соч., стр. 196—197.

[38] См.: «Красногвардейцы и партизаны». Чита, 1937, стр. 98.

[39] См.: «Героические годы борьбы и побед», стр. 214.

[40] После отъезда Д. С. Шилова с делегацией ДВР в Москву вместо него был назначен С. М. Серышев, ранее возглавлявший оборону Амурской области в Хабаровском направлении.

В конце лета 1920 г. в штабе Амурского фронта шла напряженная работа по завершению формирования и сосредоточению войск, решался вопрос об обеспечении войск, составлялся оперативный план[41]. Проводилась большая работа по политическому воспитанию бойцов и командиров, проходили митинги, собрания, лекции, создавались школы грамоты, библиотеки, читальни и т. д. Бойцы, командиры и политработники Амурского фронта энергично готовились нанести новый сокрушительный удар, чтобы навсегда покончить с «читинской пробкой» и тем самым открыть реальный путь к объединению Дальнего Востока в единое демократическое государство.

В ноябре — октябре 1920 г. численность войск Амурского фронта без партизан составила 17 850 штыков и сабель против 26 426 в белой армии. Кроме того, у белых было значительное превосходство в технике — 369 пулеметов против 107 у красных, около 100 орудий против 31 орудия[42]. Однако белогвардейские войска были скованы в районе железной дороги, не могли маневрировать ввиду боевых действий партизанских отрядов и вместе с тем были сильно деморализованы. Преимущество же войск Амурского фронта заключалось в том, что они имели оперативный простор, широкие возможности для маневра, обходных движений и были проникнуты духом революционного патриотизма.

Вопрос о ликвидации «читинской пробки» имел не только военный, но и сугубо политический и дипломатический характер. Не случайно он обсуждался на Пленуме ЦК РКП(б) 29 сентября 1920 г. Рассматривая вопрос о военном положении на Дальнем Востоке, Пленум одобрил распоряжение Реввоенсовета республики по вопросу о «военной политике на Дальнем Востоке, в частности относительно Читы»[43].

В соответствии с указаниями ЦК РКП(б) главком РСФСР С. С. Каменев 1 октября 1920 г. предостерегал помглавкома по Сибири: «Имея в виду, что неко-

---

[41] См.: С. Н. Шишкин. Указ. соч., стр. 166.
[42] См.: Б. М. Шерешевский. Указ. соч., стр. 208.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 36, л. 1.

торые ответственные деятели Дальневосточной республики считают своевременным использовать слабость Семенова для нанесения ему окончательного удара и овладения районами Читы, еще раз категорически подтверждаю, что в настоящее время с нашей стороны необходимо всемерно воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих вызвать конфликт с Японией»[44].

Надо отметить, что в своих распоряжениях о подготовке сил для ликвидации «читинской пробки» Дальбюро ЦК РКП(б) и командование НРА проявили некоторую осторожность и гибкость. Чтобы не дать японцам повод в нарушении Гонготского и Амурского соглашений, были созданы, как мы отметили выше, партизанские отряды, которые, действуя в тылу семеновцев, должны были окружить Читу и отвлечь внимание противника от подготовки главных сил к операции по окончательному разгрому Семенова, какая велась в войсках Амурского фронта.

Активизация партизанских отрядов с конца сентября 1920 г. в районе Читы совпала с народными восстаниями против семеновской власти и с переходом семеновских частей на сторону партизан.

На юге от Читы повстанцы и партизаны выбили белых из Черемхово, Татаурово, В. Нарымского, Александровского, освободили весь Ингодинский район и создали там органы народно-революционной власти. В середине октября ревком Центрального Забайкалья направил в Верхнеудинск своих представителей для участия в конференции областных правительств.

Ведя наступление по железной дороге в направлении Читы, партизаны ворвались на ст. Атамановка и прервали связь Читинского гарнизона с 3-м корпусом каппелевцев. На борьбу с партизанами командир 3-го корпуса был вынужден направить свой резерв, который не был использован, так как начались решающие бои главных сил в районе Читы и ст. Карымская.

На севере от Читы партизаны и повстанцы заняли Верхне-Читинское и стали вести наступление на деревню Попово. Боясь соединения партизанских отрядов с юга и севера Читы, командир 3-го каппелевского корпуса направил 2-ю Уфимскую дивизию против север-

[44] «Из истории гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 734.

ной группы партизан. Чтобы противостоять боевым действиям партизан, противник вынужден был израсходовать более 50 проц. своих резервов и сосредоточить главное внимание на Читинском районе. Это дало возможность командованию НРА скрытно передвинуть войска Амурского фронта на исходные позиции для наступления на Читу и создало условия для внезапного удара. К середине октября 1920 г. Чита оказалась в кольце партизанских отрядов.

К этому времени улучшилась военно-политическая обстановка Советской России и ДВР. 12 октября был подписан договор о предварительных условиях мира с Польшей. 15 октября врангелевцы потерпели сильное поражение, и в этот же день территорию Забайкалья покинул последний эшелон войск японских интервентов.

Исходя из этой обстановки, главное командование НРА приказало войскам Амурского фронта перейти к наступательным операциям против семеновцев.

По приказу главкома Амурского фронта С. М. Серышева главный удар на Читу должна была нанести 2-я Амурская стрелковая дивизия (начальник В. А. Попов), а на 1-ю Амурскую стрелковую бригаду и на Забайкальскую кавалерийскую дивизию была возложена задача сковать силы 2-го каппелевского и 3-го семеновского корпусов, чтобы обеспечить успешное наступление 2-й Амурской стрелковой дивизии на Читу.

Наступление началось 19 октября[45]. Белогвардейцы были выбиты из ст. Ага и Могойтуй. Захват ст. Ага вызвал панический страх в рядах белых и большой подъем духа народоармейцев. В результате захвата ст. Карымская белые войска были рассечены на две части, что поставило в критическое положение 3-й каппелевский корпус. В результате одновременного стремительного наступления на Читу с разных сторон войск Амурского фронта белые в панике бежали из Читы, и утром 22 октября войска Амурского фронта и партизаны вступили в Читу и торжественно были встречены трудящимися города.

Освобождение Читы ускорило ликвидацию «читинской пробки». Понадобился месяц упорных наступатель-

---

[45] Подробно см.: Б. М. Шерешевский. Указ. соч., стр. 220—233; С. Н. Шишкин. Указ. соч., стр. 170—176.

ных боевых операций Народно-революционной армии, чтобы освободить все Забайкалье от белых бандитов. 21 ноября 1920 г. Народно-революционная армия овладела последним оплотом белогвардейцев в Забайкалье — ст. Мациевская.

Восточно-Забайкальская военная операция по ликвидации «читинской пробки» имела большое военно-политическое значение. В ходе этой операции были разгромлены отборные белогвардейские войска.

Если эта операция не привела к полной ликвидации противника, то здесь в первую очередь сказалась связь белогвардейцев с заграницей, поддержка их японцами, что позволило им беспрепятственно перейти через границу. Конечно, не исключена возможность ошибок и недостатков в руководстве этой операцией со стороны главного командования Амурского фронта.

Но тем не менее ликвидация «читинской пробки» составила важный рубеж в исторической судьбе русского Дальнего Востока. Ликвидация белогвардейского семеновского режима в Восточном Забайкалье создала предпосылку действенного объединения Забайкалья и областей Дальнего Востока в единое буферное государство и обеспечила условия для завершения строительства Дальневосточной республики.

Глава III

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДВР. ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ

С освобождением Читы войсками Амурского фронта полномочные делегации областных правительств Забайкалья и Дальнего Востока стали съезжаться в Читу. Особенно торжественно и радостно встречала Чита делегацию Верхнеудинска. Сердечной была встреча, организованная на Черновских каменноугольных копях. Присутствовало не менее 15 тыс. рабочих, которые вышли со знаменами 1918 года — первого кратковременного периода существования Советской власти в Забайкалье. От Читы I до Читы II поезд прошел между сплошными шпалерами людей, стоящих с красными знаменами и приветственными лозунгами. Крики «ура!» и радостные возгласы сопровождали медленно проходивший поезд с делегацией.

Из-за огромного числа участников митинг был перенесен с привокзальной площади на обширную городскую площадь. Рабочие горячо приветствовали своих вождей, которых знали с первых дней революции. Минутным молчанием участники митинга почтили память павших в боях и замученных в застенках мужественных борцов за дело Октября — С. Г. Лазо, А. Н. Луцкого, В. М. Сибирцева, И. А. Бутина и др.

28 октября открылась конференция представителей областных правительств. Верхнеудинское, Амурское правительства были представлены на конференции шестью

делегатами, Приморское правительство пятью, Нарревком Восточного Забайкалья (с центром в Нерчинске) и «народное» собрание Читы — тремя делегатами и от Нарревкома Центрального Забайкалья, Камчатки, Сахалина было представлено по одному делегату. К открытию конференции запоздала Приморская делегация (только П. М. Никифоров прибыл вовремя). Состав конференции был следующий: коммунистов — 14, эсеров — 2, меньшевиков и народных социалистов — 4, беспартийных — 6, бурятская делегация — 2. Большинство голосов принадлежало коммунистам.

Конференция получила ряд приветствий и, в первую очередь, от Советского правительства, в котором была выражена уверенность, что работа по объединению Дальнего Востока будет успешной[1].

На второй день заседания конференции — 29 октября — была принята декларация[2], проект которой был внесен правительством ДВР. На конференции некоторые положения декларации об образовании ДВР, принятой 6 апреля 1920 г. в Верхнеудинске на Учредительном съезде трудящихся, были развиты и уточнены.

До прибытия приморской делегации заседания конференции проходили в деловой, спокойной обстановке. Было решено определить число членов Учредительного собрания в 400—500 человек. 2 ноября было принято решение об организации Государственной политической охраны в республике (ГПО).

Коммунисты, верные принципам декларации, принятой 29 октября, решили «государственные органы строить на коалиционных началах, на основе взаимного соглашения представителей партии, входящих в состав правительства сообразно их политическому весу и значению, а равно и важности подлежащего к назначению государственного места»[3].

С приездом приморской делегации 8 ноября нормальная работа конференции была нарушена. Меньшевики и эсеры Приморья вместе со своими единомышленниками из Читинского «народного» собрания стали на путь обструкций. Прежде всего они внесли предложение о соз-

---

[1] См.: «Дальневосточная республика», 1920, 2 ноября.

[2] «Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики», 1920, № 1, стр. 2—3.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 71.

дании особого органа — предпарламента, в который бы входило по 20 человек от каждого полномочного представительства. Они обосновывали свое предложение тем, что предпарламент будет мостом между правительством и населением, без предпарламента у правительства не будет якобы опоры и т. п.

Коммунисты решительно и обоснованно выступили против этого предложения, и конференция отвергла предложение эсеров и меньшевиков.

Было избрано Временное правительство из коммунистов и беспартийных во главе с А. М. Краснощековым. Меньшевики и эсеры отказались войти в него. Председателем комиссии по выборам в Учредительное собрание ДВР был утвержден народный социалист К. С. Шрейбер.

Таким образом, объединительная конференция закончилась победой коммунистов. Большая и напряженная работа большевиков по объединению Забайкалья и областей Дальнего Востока в единое буферное государство завершилась. Коммунисты в этом государстве заняли руководящее положение.

Мелкобуржуазные партии горько оплакивали свою неудачу. Японские интервенты также не хотели примириться со своим поражением, заявляя, что они не допустят разрушения существующего в Приморье порядка.

В этот острый момент буржуазия Приморья окончательно обнаружила свою антинациональную природу. Она решила «протестовать всеми средствами против действий Читинской конференции»[4].

Правительство ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б) развернули большую напряженную работу по созданию партийных, государственных и хозяйственных органов республики, объединению разрозненных регулярных и партизанских частей НРА под единым командованием, организации и подготовке выборов в Учредительное собрание.

Приморская партийная организация под руководством Дальбюро ЦК РКП(б) провела широкое разъяснение решений Читинской конференции о необходимости роспуска Приморского правительства. Такая работа дала свои результаты: Приморское правительство сложило свои полномочия. 19 декабря Народное собрание избра-

---

[4] «Дальневосточная республика», 1920, 2 дек.

ло Приморское областное управление во главе с коммунистом В. Г. Антоновым.

В целях укрепления местных органов власти в конце ноября 1920 г. было утверждено правительством «Временное положение о местных органах народной власти ДВР». В республике были образованы следующие области: Прибайкальская, Забайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская. Высшим органом власти в области являлся съезд уполномоченных. Уполномоченные избирались сроком на один год на основе всеобщего избирательного права при равном прямом и тайном голосовании. В период между сессиями высшим органом власти являлось областное управление, высшим органом уезда — уездный съезд уполномоченных, а в волости — волостной съезд уполномоченных, на который посылали 1 депутата от 100 жителей. Съезд создавал волостной комитет сроком на 6 месяцев, по истечении этого срока проходили выборы.

Такая система выборов позволяла быстро сменять тех депутатов и должностных лиц, которые нарушали интересы трудящихся.

Большую роль в мобилизации масс на выполнение сложных и трудных задач строительства нового государства сыграла I Дальневосточная конференция РКП(б) (22—28 ноября 1920 г.) Значение ее в том, что она, во-первых, подвела итоги огромной работы партийных организаций под руководством Дальбюро ЦК РКП(б) по строительству буферного государства, объединению областей вокруг Временного правительства ДВР и укреплению и усилению НРА; во-вторых, отвергнув антибуферные предложения, конференция подчеркнула, что основной задачей партии на Дальнем Востоке является создание прочного заслона для Советской России от натиска хищнического империализма и сохранение русского Дальнего Востока за Советской республикой; в-третьих, руководствуясь директивами ЦК РКП(б) и его программным документом «Краткие тезисы по Дальневосточной республике», конференция определила дальнейшие задачи партийного и государственного строительства и на этой основе сплотила все местные партий-

ные организации вокруг Дальбюро ЦК РКП(б); в-четвертых, подчеркнула, что военное дело в ДВР должно быть поставлено по образцу Красной Армии с сохранением в ней полноты влияния Коммунистической партии в целях действительного превращения всех военных сил республики в часть Красной Армии; в-пятых, выработала программу предвыборной кампании в Учредительное собрание, указав, что кампания должна проходить под лозунгом союза рабочих и трудящихся крестьян, под знаменем органической связи ДВР с Советской Россией, подчеркивая временный, вынужденный характер существования ДВР.

Конференция обязала партийные организации разоблачать контрреволюционную политику соглашательских партий и разъяснять населению задачи Учредительного собрания, которые состояли в том, чтобы обсудить отчет Временного правительства, выработать основной закон республики и выбрать правительство[5].

Преобладание мелкобуржуазного населения в республике при сохранении буржуазией Дальнего Востока своего экономического влияния; хозяйственная разруха в результате войны и интервенции; усиление агитации со стороны буржуазных и мелкобуржуазных партий за «демократию», которая обеспечит сохранение имущества и капиталов, а также антисоветская пропаганда — все это обусловило остроту избирательной кампании.

Главными политическими партиями, которые выступали на выборах, были коммунисты, эсеры, меньшевики и кадеты. Коммунисты выступали в объединенном списке с профсоюзами (в городах) и с крестьянской беднотой и трудящимися крестьянами (в деревнях). Буржуазные партии и соглашатели выступали со своими отдельными списками. Например, в Чите с отдельными списками выступили народные социалисты, меньшевики, эсеры, сибирские эсеры, «левые» эсеры, кадеты, а во Владивостоке — эсеры, меньшевики, «прогрессивный блок», газета «Слово», газета «Вечер», «левые» эсеры, евангелисты. Буржуазные цензовые группы, как правило, маскировались в «демократическую» группу, «объединенно-демократическую», «деловую демократическую группу» и т. д.

---

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 9, лл. 10—18, 24—25.

Положение о выборах предусматривало проведение их на основе всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании. Лишались права участия в выборах лица умалишенные, совершившие тяжкие уголовные преступления, несостоятельные должники и т. д. В основу избирательной системы был положен не производственный, а территориальный принцип. ДВР была разбита на 52 избирательных округа (например, в Прибайкалье — 10, Забайкалье — 13). Армия и флот участвовали в выборах отдельно от гражданского населения[6]. С формально-юридической точки зрения ряд моментов сближал избирательную систему ДВР с избирательными системами буржуазно-демократических стран.

Перед коммунистами ДВР встала важная задача добиться победы на выборах и не дать возможности меньшевикам, эсерам, кадетам и другим враждебным политическим партиям и группам создать антикоммунистическое большинство в Учредительном собрании. Дальбюро ЦК РКП(б) выдвинуло лозунг: «Голоса тем, кто боролся за освобождение ДВ от Колчака, японцев, эсеров, меньшевиков, всем тем, кто борется за воссоединение ДВР с РСФСР»[7].

Выборы были назначены правительством на 9—11 января 1921 года. Избирательная кампания и выборы в разных частях республики имели свои особенности. Так, в Прибайкалье с конца ноября 1920 г. вопрос о выборах занял центральное место в работе партийных организаций. Была утверждена областная комиссия по выборам в Учредительное собрание, в нее вошли коммунисты С. Ю. Широких-Полянский, Е. Ф. Савельев, Ф. С. Петров и др. Председателем комиссии был утвержден Л. Д. Васильев[8].

Для работы в деревне по инициативе активных борцов партизанского движения Е. В. Лебедева, Ф. С. Петрова, братьев А. П. и П. П. Смолиных, С. Ю. Широких-Полянского и др. создается Комитет революционного крестьянства, который должен был провести работу по привлечению партизан и бедноты на сторону коммунистов. Эту идею одобрило Дальбюро ЦК РКП(б). Ко-

---

[6] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—4676, оп. 2, д. 83, лл. 1—9.
[7] «Изв. Дальбюро РКП(б)». Чита, 1921, № 1, 15 янв., стр. 3.
[8] ЦГА БурАССР, ф. 468, оп. 1, д. 3, л. 3.

митету были выделены необходимые денежные средства[9]. Комитет революционного крестьянства направил на работу в деревню наиболее авторитетных партизан и инструкторов-организаторов для проведения избирательной кампании[10].

Одной из важных форм работы среди крестьян явился созыв беспартийных конференций и съездов. Были проведены беспартийные конференции крестьян в Верхнеудинском, Петровско-Забайкальском и др. уездах. На повестке дня этих конференций ставились такие вопросы: 1) годовщина начала вооруженного восстания в Прибайкалье, 2) выборы в Учредительное собрание.

В деревнях проводились митинги, читались лекции, доклады, выпускались газеты и т. д.[11] Так, в Петровско-Забайкальском районе состоялось 14 митингов, на которых присутствовало 35 тыс. человек, в Верхнеудинском районе—25 митингов с участием 10 тыс. человек и т. д.[12]

В резолюции, принятой крестьянами села Бичура на предвыборном митинге, говорилось: «Приветствуем Учредительное собрание крестьян и рабочих, но если туда пойдут все старые контрреволюционеры, то есть волки в овечьей шкуре — эсеры и меньшевики, то мы таковое через 24 часа разгоним силой штыков»[13].

Несмотря на значительную работу, проделанную Прибайкальской коммунистической организацией во время предвыборной кампании, неблагоприятные факторы: тяжелое экономическое положение в республике, развитие белобандитизма, засоренность профсоюзов колчаковцами, усиление агитации мелкобуржуазных партий и т. д. — сказались на итогах выборов. Коммунистов избрано 12 (в том числе 11 по спискам революционного крестьянства), меньшевиков — 6, эсеров - 3, крестьян меньшинства (кулаков) —23, бурят —12, кадетов и цензовиков — 1.

Если в Прибайкалье и других освобожденных от японцев районах демократические принципы избирательного закона осуществлялись полностью, то в той

---

[9] ПАБО КПСС, ф. 57, оп. 1, д. 1а, л. 36.
[10] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 348, л. 1.
[11] ПАБО КПСС, ф. 57, оп. 1, д. 1а, л. 47.
[12] Там же, д. 109, лл. 7, 10.
[13] «Дальневосточная правда», 1921, 6 февр.

части Приморья, где находились японские интервенты и каппелевцы, ни о какой демократии не могло быть и речи. Население было терроризировано. В селе Жариково, например, 5 января 1921 г. висел приказ по гарнизону следующего содержания: «Объявляю, что сходки, собрания и т. п. сборища крестьян села без моего ведома не устраивать». В Никольско-Уссурийске выборы происходили так: «В городе было свыше 4000 каппелевцев, которые шли голосовать стройными рядами под командой офицеров». Платформа контрреволюционных групп начинались словами: «Во имя отца и сына и святого духа...»[14].

Против коммунистов единым фронтом выступали представители мелкобуржуазных партий, кадеты, белогвардейские монархические элементы. Поэтому избирательную кампанию приморские коммунисты провели в ожесточенной борьбе со всеми буржуазными, мелкобуржуазными и контрреволюционными группами. Несмотря на то, что соглашатели мобилизовали свои лучшие силы на главных участках во Владивостоке и др. пунктах, успеха они не добились. Рабочие Владивостока пошли за коммунистами.

Сложная политическая обстановка не могла не сказаться на итогах выборов. Не случайно в числе депутатов Учредительного собрания Приморья были такие фигуры белогвардейского лагеря, как будущие «правители» Приморья милостью японцев братья Меркуловы, генералы каппелевцев Молчанов и Вержбицкий и др., которые были потом исключены из состава Учредительного собрания как контрреволюционеры. Общие итоги выборов Учредительного собрания по Приморью характеризуются следующими данными: коммунистов — 40, представителей фракции крестьянского меньшинства (кулаков) — 39, эсеров — 8, меньшевиков — 1 и кадетов — 14.

Общие итоги выборов по ДВР следующие. 382 депутата, участвовавших в работе Учредительного собрания, распределили места таким образом: фракция коммунистов получила 92 места, крестьянские фракции большинства (беднота и середняки) — 183, фракция крестьян меньшинства (кулаки) — 44, эсеры — 18, мень-

---

[14] «Дальневосточная правда», 1921, № 35.

шевики — 14, буряты — 13, внепартийные демократы — 8, сибирские эсеры — 6, народные социалисты — 3 и беспартийные — 1[15].

Крестьянская фракция большинства, отражая интересы крестьянской бедноты и середняков, примыкала к фракции коммунистов. Поэтому коммунисты, рабочий класс в союзе с подавляющим большинством крестьянства составляли решающую силу в Учредительном собрании, располагая 275 местами, а все остальные вместе взятые имели 106 мест. Хотя в избирательной кампании буржуазные контрреволюционные партии и группы добивались завоевания большинства голосов крестьян и средних слоев городского населения различными путями, не пренебрегая и демагогией, обеспечить в Учредительном собрании антикоммунистическое большинство им не удалось. Итоги выборов продемонстрировали высокий авторитет Коммунистической партии у трудящихся.

В конце 1920 г. в результате разгрома белополяков и Врангеля и заключения мира с буржуазно-помещичьей Польшей укрепилось международное положение Советского государства. В связи с этим у некоторых руководящих работников ДВР возникли ошибочные представления о ненужности буфера. Так, заседание Дальбюро ЦК РКП(б) 20 декабря 1920 г. вынесло постановление о том, чтобы поставить перед ЦК РКП(б) вопрос о ликвидации буфера и воссоединении ДВР с Советской Россией[16]. Сиббюро ЦК РКП(б) согласилось с решением Дальбюро о ликвидации буфера[17].

В связи с этим вопрос о буфере был поставлен на обсуждение Пленума ЦК РКП(б), состоявшегося 4 января 1921 года. Пленум проходил под председательством В. И. Ленина. В постановлении Пленума указывалось: «Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, рав-

---

[15] См.: П. И. Кабанов. Указ. соч.

[16] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 102. На заседании присутствовали члены Дальбюро: М. Э. Дельвиг, С. Я. Гроссман, А. А. Знаменский и М. А. Трилиссер. А. М. Краснощеков из-за болезни отсутствовал.

[17] ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 75.

но как недопустимыми какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией»[18].

Пленум образовал комиссию для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики ДВР. Разработанные комиссией «Краткие тезисы о Дальневосточной республике» были рассмотрены на заседаниях Политбюро, проходивших с 7 по 12 января 1921 г., и одобрены и утверждены Пленумом ЦК РКП(б). Пленум утвердил также постановление Оргбюро о составе Дальбюро[19].

В этом же постановлении Пленума указывалось, что столицей ДВР должна стать Чита, а не Владивосток, находящийся в районе непосредственного японского влияния.

В тезисах особое внимание было обращено на то, что «работающие во Владивостоке товарищи должны прилагать все усилия к устранению местного сепаратизма, открывающего пути к попыткам Японии овладеть побережьем Тихого океана»[20].

В отношении характера государственной власти ДВР в тезисах содержатся указания принципиального характера: «выбираемые исполнительные органы в центре и на местах формально должны считаться беспартийными, фактически же должны состоять целиком или в подавляющем большинстве из коммунистов».

ЦК РКП(б) должен руководить политикой Дальневосточной республики через назначенное из центра Дальбюро (из 3 или 5 лиц), непосредственно подчиняющееся ЦК РКП(б). Все существенные вопросы внутренней и все без исключения военной политики и взаимоотношений с иностранными капиталистическими государствами решаются с согласия центра[21].

При обсуждении на Пленуме ЦК от 12 января заключения комиссии о буферном государстве были внесены дополнения принципиального политического характера: все мероприятия государственной власти ДВР должны способствовать «скорейшему установлению не-

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 17, д. 2, д. 53, л. 2.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 17, д. 55, лл. 7, 26.
[20] ЦПА ИМЛ, ф. 17, д. 55, л. 27.
[21] ЦПА ИМЛ, там же.

посредственных отношений РСФСР с иностранными государствами»[22].

«Краткие тезисы о Дальневосточной республике» четко определили как сущность и характер буферного государства, так и основные задачи внутренней, военной и внешней политики ДВР.

Однако и после Пленума ЦК разногласия между руководящими работниками ДВР не прекратились, об этом свидетельствует заседание Дальбюро ЦК РКП(б) от 25 января 1921 г., на котором А. М. Краснощеков выступал за сохранение буферного государства, остальные члены высказывались за ликвидацию буфера.

ЦК РКП(б) вынужден был отозвать членов Дальбюро А. А. Знаменского и М. А. Трилиссера. В целях укрепления ДВР кадрами в январе — апреле 1921 г. из Советской России было направлено на руководящую работу свыше 90 опытных партийных работников.

Решения январских Пленумов ЦК РКП(б), обсуждавших вопрос о ДВР, были положены в основу II Дальневосточной конференции, созванной в Чите в феврале 1921 года. На конференции были обсуждены важные вопросы, в том числе о работе Дальбюро ЦК РКП(б); текущий момент и задачи РКП(б) на Дальнем Востоке; о деятельности правительства ДВР; о задачах РКП(б) в Учредительном собрании и т. д.

Конференция определила задачи дальневосточных партийных организаций, исходя из «Кратких тезисов о Дальневосточной республике», в частности «о формальном демократизме с коммунистической сущностью буферной политики». Конференция обязала партийные организации обеспечить коммунистическое руководство в органах государственной власти НРА, профсоюзах и кооперации, проводить в них политику, охраняющую интересы пролетариата и трудящихся крестьян.

Конференция указала, что вся деятельность правительства ДВР должна проходить под непосредственным руководством Дальбюро ЦК РКП(б).

Определяя задачи коммунистов в Учредительном собрании, конференция указала на главные задачи, а именно: «Из орудия организации «демократии» против диктатуры пролетариата в руках антисоветских элемен-

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 55, л. 28.

гов Учредительное собрание должно быть превращено в свою противоположность — в орудие безусловного закрепления влияния РСФСР на Дальнем Востоке и организации трудовых масс для борьбы со всеми враждебными силами Советской России как внешними, так и внутренними»[23].

Для успешного решения этих задач конференция предложила создать при Учредительном собрании коммунистическую фракцию и обязала ее твердо проводить политику Коммунистической партии.

К работе Учредительного собрания было приковано внимание трудящихся края. Большой интерес к его работе проявляли империалисты США, Японии и других стран. Япония послала своих представителей в Читу в составе 6 военных и дипломатических агентов и 5 представителей торговых фирм.

Учредительное собрание проходило в Чите с 12 февраля по 27 апреля 1921 года. Перед ним стояла основная задача — разработать и утвердить основной закон (Конституцию) республики и тем самым юридически оформить принципы государственного устройства ДВР.

По всем вопросам повестки заседания Учредительного собрания, особенно вокруг коренного вопроса — характера политического строя ДВР, — разгорелась острая борьба между коммунистами и представителями буржуазных и мелкобуржуазных партий. В этой дискуссии коммунисты проявили принципиальность, настойчивость, терпение, гибкость и умение отстоять линию политики Коммунистической партии.

Все предложения и требования правых фракций (эсеров, меньшевиков, кулаков и др.) сводились к уничтожению всех завоеваний трудящихся ДВР, полному ее разоружению перед лицом внешних и внутренних врагов ДВР, превращению ее в обычную как по форме, так и по существу буржуазную республику, которая бы служила удобным плацдармом для борьбы с Советской Россией[24].

Антинародная позиция правых сил Учредительного собрания встретила решительное возражение со стороны фракции коммунистов и фракции крестьянского

---

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 17.

[24] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—4676, оп. 1, д. 2, лл. 137—146, 169—197.

большинства. Представители этих фракций подчеркивали, что ДВР должна быть народно-демократической.

В декларации фракции крестьянского большинства указывалось: «Крестьянство считает нужным отметить, что на образование независимой Дальневосточной республики оно идет, повинуясь голосу своей матери — Советской России и учитывая международное положение», чтобы между ДВР и Советской Россией «были установлены самые близкие, тесные и братские отношения, насколько органически того требуют единство национальности, исторических традиций, хозяйственной и географической связи, а также общность будущих судеб». Крестьянство требовало, чтобы в законах были отражены интересы трудящихся.

В области внешней политики фракция крестьянского большинства настаивала на установлении мирного сожительства с другими народами, предлагая немедленное прекращение японской интервенции на русском Дальнем Востоке, выводе японских войск из пределов русской территории[25].

В декларации коммунистической фракции была изложена глубоко обоснованная программа завершения создания и юридического оформления ДВР как демократического государства, как надежного сторожевого поста, охраняющего единую целостность России[26].

После выявления точки зрения каждой фракции и прений по докладу правительства и министров 22 марта 1921 г. Учредительное собрание приняло очень важные документы. Оно единогласно принимает декларацию о независимости[27] и обращение «К правительствам и народам всего мира»[28]. В обращении было заявлено: «Перед объединенным народом Дальнего Востока открывается широкий простор свободного независимого существования и великое будущее на пользу мира всего мира. Но для новой демократии требуются предварительные условия, без которых все усилия народа могут оказаться тщетными». В обращении указывалось: «1) Необходимо, чтобы ДВР была принята равноправным членом в семье самостоятельных, независимых народов. 2) Не-

[25] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—4676, оп. 1, д. 2, лл. 58—62.
[26] ЦГА РСФСР ДВ, лл. 63—69.
[27] Там же, д. 15, лл. 194—195.
[28] Там же, л. 197.

обходимо, чтобы территория ДВР была освобождена от иностранных войск и иностранного вмешательства»[29].

24 марта 1921 г. Учредительное собрание утвердило меморандум японскому правительству по поводу вывода японских войск с территории русского Дальнего Востока, в котором говорилось: «Выражая волю всего населения русского Дальнего Востока освободить страну от иностранной интервенции, Учредительное собрание категорически настаивает на немедленном выводе японских экспедиционных войск со всей территории ДВР. Учредительное собрание уверено, что этот вывод послужит могучим фактором в деле восстановления нормальных отношений между народами — русским и японским». Кроме того, Учредительное собрание приняло 24 марта особое обращение к правительству США, Англии и Франции. Обращение со всей категоричностью ставило перед американским правительством вопрос: «Когда правительство США, пригласившее японское правительство к военному кооперированию на русском Дальнем Востоке, с той же определенностью положит фактический конец начатой в 1918 году этим приглашением интервенции?»

Единогласное принятие этих важных актов Учредительным собранием сильно укрепило политическое положение ДВР и ее правительства. Ставка Японии создать в ДВР «демократическим» способом власть, которая служила бы ее империалистическим целям и была направлена против Советской России, полностью провалилась.

Завершающим этапом деятельности Учредительного собрания явилось принятие Конституции ДВР. 27 апреля Учредительное собрание утвердило в целом Конституцию Дальневосточной республики[30]. Конституция Дальневосточной республики законодательно отменила частную собственность на землю, ее недра, леса и воды[31]; ограждая интересы рабочего класса, обеспечило охрану труда, восьмичасовой рабочий день[32], минимум

---

[29] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—4676, оп. 1 д. 15, лл. 197.
[30] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—4677, оп. 1, д. 11, л. 335.
[31] «Основной Закон (Конституция) Дальневосточной республики». Чита, 1921, стр. 28.
[32] «Основной Закон», стр. 29.

реальной заработной платы, право участия рабочих в контроле за частными предприятиями[33]. Вместе с тем Конституция провозгласила труд обязанностью всех граждан республики[34].

Конституция поощряла развитие всех видов коллективного и общественного хозяйства в деревне и утверждала принцип всеобщей воинской повинности, равноправие народов и отделение церкви от государства и школы. Таким образом, Конституция Дальневосточной республики, испытывавшая сильное влияние Первой Советской Конституции РСФСР, законодательно закрепила те основные принципы государственного строя, которые являются характерными для государства диктатуры пролетариата.

Был принят также акт, объявляющий состав Учредительного собрания Народным собранием 1-го созыва. Учредительное собрание избрало правительство республики из семи членов в составе А. М. Краснощекова, Н. П. Кларка, И. В. Слинкина, Д. С. Шилова, В. С. Бондаренко, М. И. Бородина, Н. М. Матвеева[35].

Однако в Дальневосточной республике в отличие от РСФСР в силу международных условий диктатура пролетариата осуществлялась в неполном объеме. Это нашло свое отражение в Конституции Дальневосточной Республики. В ДВР, например, депутаты не могли быть отозваны избирателями; имелись особые институты, такие, как институт областных эмиссаров правительства, устанавливающий опеку центральной власти над местными органами власти, а также институт всеобщего избирательного права и т. д.

В «Тезисах для руководства по агитации при выборах в Учредительное собрание», утвержденных Дальбюро ЦК РКП(б), в характеристике классовой сущности социально-политического строя указывалось, что в силу сложного международного положения «Коммунистическая партия признавала необходимым на Дальнем Востоке сделать временное фактическое отступление, выразившееся в отказе от непосредственного осуществления в полном объеме диктатуры пролетариата»[36].

---

33 «Основной Закон», стр. 30—31.
34 Там же, стр. 29.
35 ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—4676, оп. 1, д. 11, л. 338.
36 ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 9.

Но эти и другие отступления Конституции Дальневосточной республики от Конституции РСФСР не означали того, что Конституция Дальневосточной республики относится к разряду буржуазно-демократических. Глубоко принципиальное отличие Конституции Дальневосточной республики от буржуазно-демократических состоит в том, что она подрывает священный принцип полной неприкосновенности института частной собственности.

В отличие от буржуазно-демократических конституций Конституция Дальневосточной республики конструирует систему органов государства и высший законодательный орган на действительно демократических началах: управление строится на принципе демократического централизма, а высший законодательный орган — Народное собрание, периодически созываемый, действительно суверенный, полновластный орган верховной власти образовался на основе всеобщих выборов при обеспечении реальных условий для участия в выборах рабочим и трудящимся крестьянам.

В «Основном Законе Дальневосточной республики» сказано, что Дальневосточная республика — «демократическая республика». Анализ социально-политического строя ДВР показывает, что это было государство по форме буржуазно-демократическсе, по существу же проводило советскую политику и выполняло функцию диктатуры пролетариата в своеобразных исторических условиях Дальнего Востока.

Глава IV

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Хозяйственно-экономическое строительство ДВР являлось одним из самых сложных и трудных вопросов.

В период интервенции и белогвардейщины экономика была сильно подорвана. Горнодобывающие предприятия Забайкалья почти перестали работать. Петровский чугунолитейный завод был остановлен. Очень низка была производительность каменноугольных копей — Черновских, Харанорских и Арбагарских. Железнодорожный транспорт находился в крайне тяжелом состоянии. По одной только Забайкальской железной дороге белогвардейцы угнали в Маньчжурию 2 тысячи вагонов и платформ, большое количество паровозов. Во время бегства из Читы в Маньчжурию белые взорвали более 700 вагонов и разрушили 98 деревянных и 36 железных мостов[1].

Еще более в тяжелом положении оказался водный транспорт. В результате захвата японцами Нижнего Амура — основной водной магистрали республики, грузооборот его составил только 1,3 процента довоенного времени[2].

Поэтому восстановление народного хозяйства и хозяйственно-экономическое строительство составили важнейшую часть внутренней политики буферного государ-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 95, л. 48; д. 584, л. 9.

[2] См.: «Дальневосточный путь», 1922, 25 июля.

ства, которая во многом определялась международными политическими задачами буфера и была направлена на осуществление того тактического маневра, который предприняли Коммунистическая партия и Советское государство с целью освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и иностранной интервенции.

В «Кратких тезисах о Дальневосточной республике». принятых на Пленуме ЦК РКП(б) 12 января 1921 г., были воплощены важные ленинские указания и с исчерпывающей полнотой была определена экономическая политика ДВР. Основные положения этой политики сводились к следующему: 1) «Абсолютно недопустимо формальное отрицание института частной собственности. Но путем ограничений, как, например, конфискацией предприятий врагов народа, особенно сбежавших за границу, проведением государственной монополии на хлеб и товарное сырье и других мер, должно быть создано целесообразное для коммунистического руководства промежуточное положение. 2) Все промышленные и торговые предприятия, перешедшие в процессе революции в собственность государства, целесообразно закрепить в законодательном порядке за государством. 3) Отчуждение новых предприятий от частных владельцев можно производить с должной осторожностью, не вызывая конфликтов международного характера. 4) Финансы и торговая политика ДВР проводится с согласия Наркомфина и Внешторга РСФСР. 5)...во избежание вывоза валюты из ДВР за границу Дальбюро предлагается срочно выработать ряд мер по снабжению ДВР продуктами из РСФСР»[3].

Основополагающие указания «Кратких тезисов о Дальневосточной республике» легли в основу работы партийных организаций республики во главе с Дальбюро ЦК РКП(б) и правительством ДВР.

Исходя из этих тезисов, Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР утвердили в феврале 1921 г. «Тезисы по экономической политике»[4].

После перехода к нэпу свобода торговли в ДВР получила большее развитие, чем в РСФСР. Поэтому организовать эффективное государственное регулирование

---

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 55, лл. 27, 28.
[4] ЦГА РСФСР, ф. Р—4374, оп. 7, д. 75, лл. 22—23.

торговлей оказалось делом трудным. Свобода внешней торговли, установленная в ДВР, ставила в зависимость рынок ДВР от Японии и Китая. Это обстоятельство усиливало роль иностранных купцов-посредников — китайцев и японцев, через руки которых проходила реализация ввозимых товаров. Кроме того, «отечественный» капитал устремился главным образом в область торговли, где оборот был более быстрым и прибыль больше. На рынке господствовал мелкий торговец-спекулянт, в деревне же — китаец-контрабандист. Население продавало за бесценок сырье и сельскохозяйственные продукты. Шкурка белки в Чите стоила 2 руб., а в Баргузинском районе меха скупались за 3 аршина сарпинки стоимостью 30—35 копеек. Торговые операции крестьян и кустарей оказались в руках хищнического спекулятивного капитала.

В 1922 г. в Дальневосточной республике было 4582 частно-торговых предприятия с оборотом капитала 36 млн. руб., 1396 промышленных — с капиталом в 6 млн. руб. и 101 разных — с капиталом в 1 млн. руб. Итого оборотный капитал частных предприятий составил 43 млн. руб. Средняя прибыль была довольно высокой — от 12 до 19 процентов.

Важную роль в обуздании и вытеснении частно-торгового капитала, как на это указал X съезд РКП(б), должна была играть кооперативная и государственная торговля.

Однако на первых порах кооперация в ДВР не стала важнейшим инструментом противодействия частно-капиталистическому засилию в товарообороте, так как в ней «окопались» эсеры и меньшевики, которые требовали полной независимости кооперации от государства. Они стремились также изолировать кооперацию Дальневосточной республики от кооперации РСФСР, требуя на общекооперативном съезде в марте 1921 г. разрыва связи с Центросоюзом РСФСР и его Дальневосточным отделением — «Дальцентросоюзом».

Попытка эсеров и меньшевиков создать на Дальнем Востоке самостоятельный и независимый центр кооперации получила решительный отпор со стороны кооператоров-коммунистов. Было принято компромиссное решение о создании при Дальцентросоюзе бюро Дальневосточной кооперации (коопбюро). Однако в состав

кооцбюро были избраны главным образом старые кооператоры, т. е. эсеры и меньшевики, которые продолжали раскольническую деятельность. Поэтому вокруг кооперации Дальневосточной республики происходила ожесточенная борьба. Если в марте 1921 г. в Забайкальской области «старые кооператоры» потерпели поражение и в состав правления Забайкальского кооперативного союза были избраны коммунисты, то в Прибайкальском объединительном союзе кооперативов правление его и большинство районных организаций находились под влиянием эсеров[5]. Поэтому Прибайкальский губком партии принял меры по укреплению коммунистического влияния в кооперации.

Во главе всех кооперативных обществ ДВР стоял Дальцентросоюз, который имел тесную и органическую связь с Центросоюзом Советской России. Против этой связи вели бешеную атаку эсеры и меньшевики. На съездах потребительских обществ они, опираясь на кулаков, «громили» советскую кооперацию. Им временно удалось оторвать от Дальцентросоюза Прибайкальский, Амурский и Приамурский губернские потребительские союзы.

В масштабе республики они пытались противопоставить Дальцентросоюзу свой «Дальсоюз». Особенно сильны позиции соглашателей были в кредитной и сельскохозяйственной кооперации, где объединялись наиболее зажиточные слои деревни. Чтобы выбить их из этих гнезд, было осуществлено объединение всех видов кооперации на основании закона 27 января 1920 года.

Засоренность кооперативных организаций ограничивала кооперацию в деле выполнения той задачи, которая была поставлена перед ней: сделаться основным товаропроводящим аппаратом в республике и осуществить вытеснение частного капитала из сферы торговой деятельности, укрепить союз рабочего класса и крестьянства.

Только в процессе острой, напряженной борьбы коммунисты вытеснили эсеров и меньшевиков из кооперации. К середине октября 1922 г. из 22 кооперативных объединений, существовавших в Дальневосточной республике, 17 шли за коммунистами.

III съезд кооперации Дальнего Востока, состоявший-

---

[5] ПАБО, ф. 57, оп. 1, д. 132, л. 15.

ся в ноябре 1922 г., принял постановление о ликвидации «Дальсоюза». Все кооперативные организации были подчинены теперь единому центру — Дальцентросоюзу. Кооперация стала превращаться в организацию, укрепляющую союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства.

На финансово-экономическом состоянии Дальцентросоюза отразился меркуловский переворот во Владивостоке (белогвардейцами были захвачены склады с товарами на сумму 700 тыс. руб. золотом).

Правительство Дальневосточной республики, поощряя деятельность кооперативных организаций, оказывало им содействие и предоставляло льготы. Против привилегированного положения кооперации выступала торговая буржуазия и ее орган торгово-промышленная палата, требуя, чтобы все торговые организации кому бы они ни принадлежали, находились в одинаковых условиях свободной конкуренции. Эти притязания буржуазии правительство ДВР отвергло.

Буферное государство осуществило контроль и надзор в области торговли. В апреле 1922 г. по решению правительства ДВР была создана государственная торговая организация — госторг.

Перед ним были поставлены следующие важнейшие задачи: 1) Обслуживание нужд населения предметами массового потребления. 2) Снабжение крестьян сельскохозяйственным инвентарем и орудиями промысла. 3) Обслуживание нужд государственной промышленности путем заготовок сырья и поставок необходимого оборудования. 4) Организация и упорядочение экспорта[6].

Об успехах деятельности госторга говорят такие данные: на 1 января 1923 г. он располагал оборотными средствами в сумме почти 1,5 млн. руб., а прибыль в 1922 г. составила свыше 115 тыс. рублей[7].

Таким образом, в Дальневосточной республике бы-

---

[6] См.: «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1922, № 2, стр. 138.

[7] См.: «Отчет Дальэкосо. Экономическое строительство РСФСР». Дальэкосо, 1924, стр. 330. Экосо (экономическое совещание) — постоянный действующий орган, который занимался вопросами развития торговли, кооперации и пр.

ли приняты меры по укреплению кооперации и государственной торговли.

Отказ от монополизации внешней торговли был обусловлен прежде всего необходимостью расширить торгово-экономические связи с капиталистическими странами, чтобы ослабить их экономическую блокаду Советской России и в известной мере нейтрализовать интервенционистские тенденции агрессивных кругов США и Японии, углублять и использовать противоречия между США и Японией.

Демонополизация внешнеторговых связей содействовала усилению торговых связей Дальневосточной республики с другими странами. Заключение торговых договоров и соглашений Дальневосточной республики с рядом английских, американских и других фирм укрепляло позиции правительства Дальневосточной республики. Усилилась торговая связь между Дальневосточной республикой и Северо-Восточным Китаем, между Дальневосточной республикой и Монголией. Для объединения всех торговых операций республики с заграницей был создан торгово-коммерческий совет.

Таким образом, внешняя торговля Дальневосточной республики имела большое народнохозяйственное значение для республики и играла важную роль в деле выполнения внешнеполитических задач Советского государства на Дальнем Востоке.

3-я Дальневосточная конференция РКП(б) в июне 1921 г. и Дальбюро ЦК РКП(б) в ноябре[8], руководствуясь «Краткими тезисами о Дальневосточной республике», определили основные направления экономической деятельности правительства Дальневосточной республики: сохранить за государством руководство хозяйственно-экономической жизнью, оставив в распоряжении государства ведущие отрасли промышленности, средства связи и транспорта; оздоровить денежное обращение; способствовать развитию сельского хозяйства, поддерживая и укрепляя в первую очередь коллективные хозяйства; резко сократить штаты государственных учреждений и предприятий, особенно непроизводительных;

---

[8] «Протокол 3-й Дальневосточной краевой конференции РКП(б)». Чита, 1921, стр. 39—40; ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 66, лл. 105—108.

сохраняя свободу торговли, регулировать ее в интересах трудящихся и государства; разрешая сдачу концессий на горные, лесные и земельные богатства, не допустить господства буржуазии в экономике республики, не допустить расширения ее политических прав.

Меньшевики и эсеры выступали против экономической политики Коммунистической партии. Они стояли за полное развязывание буржуазных отношений в экономике Дальневосточной республики. В этих целях они требовали уменьшения налогового обложения буржуазии, а министр промышленности меньшевик Анисимов настаивал на необходимости сокращения армии и госполитохраны[9]. Курс экономической политики правительства Дальневосточной республики преследовал в конечном счете социально-классовые задачи и цели, но по тактическим соображениям социалистическая направленность экономического строительства не выдвигалась на первый план, не акцентировалась.

Решающим условием успешного восстановления народного хозяйства являлась финансовая реформа, направленная на урегулирование денежного обращения, которое было расстроено в результате интервенции и гражданской войны.

Напряженность военно-политической обстановки вынуждала правительство Дальневосточной республики держать большие военные силы, которые требовали огромных средств. Не имея источников для содержания армии и государственного аппарата, правительство выпускало бумажные деньги. Эмиссия на первых порах поддерживала существование государства. После переезда из Верхнеудинска в Читу правительство не в состоянии было пустить в денежное обращение звонкую монету. Поэтому оно продолжало выпуск в обращение кредитных билетов Дальневосточной республики. Буржуазия, саботируя эти меры правительства, прекратила продажу товаров на кредитки Дальневосточной республики. На этой почве курс «буферок» падал с головокружительной быстротой. К началу 1922 года кредитные билеты полностью нуллифицировались, фактически перестали обращаться на рынке. Все это грозило парали-

---

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 95, л. 48.

зовать всю финансовую и хозяйственную жизнь республики. Единственным выходом из этого положения могло быть восстановление денежного обращения, которое будет базироваться на твердой валюте.

На пути проведения финансовой реформы было много трудностей. Благодаря исключительной помощи РСФСР правительству Дальневосточной республики удалось провести ее[10].

Закон «О свободном обращении золота» (26 сентября 1921 г.) разрешал скупку, хранение, перевоз и продажу золота по всей Дальневосточной республике, кроме приисков. Это был завершающий шаг в установлении металлического денежного обращения в Дальневосточной республике.

20 декабря 1921 г. министерство финансов ДВР установило твердый курс: 1 золотой рубль равнялся 1 р. 18 к. банковским серебром и 3 руб. биллонным серебром.

Переход на металлическое денежное обращение был единственным средством эффективной борьбы с засилием иностранной валюты. Металлическая монета черпалась из двух источников — из сохранившихся у населения монетных запасов и из монеты, получаемой в порядке государственных займов и дотаций из Советской России.

В силу господства заграничного импорта в товарном обращении республики был не только неизбежен крах бумажных денег, но и происходил постоянный отлив полноценной золотой и серебряной монеты за границу. Таковы теневые стороны постоянного металлического обращения. Дорогой ценой приходилось платить за финансовую самостоятельность Дальневосточной республике. Только крайне тяжелая хозяйственно-экономическая и военно-политическая обстановка вынудила Дальневосточную республику взять на себя бремя металлического обращения. Основное значение реформы состояло в предотвращении засилия иностранной валюты, прежде всего японской иены, создании более или менее устойчивой базы для налоговой системы, укрепле-

---

[10] Долг Дальневосточной республики РСФСР к ноябрю 1922 г. составил 100 млн. руб. золотом. См.: «Отчет о работе Народного собрания ДВР 2-го созыва». Чита, 1923, стр. 15.

нии товарооборота, развитии промышленности и сельского хозяйства. Стало быть, реформа имела положительные последствия в экономической жизни буферного государства. Большую роль в укреплении устойчивости денежного обращения и в регулировании им играл Дальбанк. Последний был учрежден «в целях содействия кредитом развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли, регулирования денежного обращения и упрощения денежной системы Дальневосточной республики»[11].

Оздоровление денежного обращения позволило правительству Дальневосточной республики поставить на более прочную основу государственный бюджет. Это было достигнуто благодаря помощи правительства РСФСР. Так, осенью 1921 г. из Москвы было получено 500 тыс. руб. золотом[12].

Для обеспечения приходной части бюджета большое значение приобретала налаженная налоговая система. В 1921 г. были введены косвенные налоги: таможенные, акцизные, гербовые и др. Решающее значение имели прямые налоги, в частности прогрессивно-поимущественный налог, который взимался как с промышленности, торговли и пр., так и с частных хозяев.

На основе решений X съезда партии в декабре 1921 г. был принят закон о сельскохозяйственном налоге, который имел классовую направленность. Налоговая кампания проводилась в обстановке острой классовой борьбы и сопротивления кулацких и зажиточных слоев[13]. В 1921 г. сельскохозяйственный налог был в целом выполнен на 60—65 проц. В результате бюджет республики достиг равновесия, доходы покрывали расходы, за исключением расходов на армию, которые приняла на себя Советская Россия[14].

Финансовая реформа позволила реорганизовать оплату труда в промышленных предприятиях и учреждениях, повысить роль материальной заинтересованности, т. к. часть государственных промышленных предприятий

---

[11] «Бюллетень Министерства транспорта ДВР», 1922, июль, № 4(8).

[12] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 41, л. 118.

[13] См.: «Дальневосточный путь», 1922, 20 мая.

[14] См.: «Экономическая жизнь ДВ», 1922, № 1, стр. 123.

была переведена на коммерческую основу и создала благоприятные условия для восстановления промышленности и сельского хозяйства.

К весне 1921 г. в Забайкалье нависла угроза полной приостановки добычи угля. Для того чтобы преодолеть топливный кризис, правительство и партийные организации приняли ряд мер. Во второй половине 1921 г. правительство отпускало ежемесячно для развития угольной промышленности 120 тыс. руб. золотом. Были введены в строй электрифицированные шахты. Была реорганизована система заработной платы (установлен твердый минимум заработной платы, в среднем 20 руб. в месяц золотом) с дополнительным вознаграждением за перевыполнение нормы выработки, внедрены более производительные методы угледобычи (метод открытой добычи угля, снизивший себестоимость угля с 7 коп. до 4 копеек за пуд)[15].

Осуществление этих мер способствовало восстановлению угольной промышленности Забайкалья и увеличению темпов добычи угля. Так, в 1922 г. в Забайкалье добыча угля составила 28 747 тыс. пудов против 16 795 тыс. пудов в 1921 г.[16], а соответственно по всей территории республики было добыто 67 137 тыс. пудов против 47 461 тыс. пудов в 1921 г. Добыча угля превзошла довоенный уровень добычи (20 436 тыс. пудов)[17]. Выросла производительность труда, превысив довоенную. Это позволило экспортировать уголь на внешний рынок. В 1922 г. экспорт угля в Маньчжурию составил 2 млн. пудов.

Чтобы возобновить производство на Петровском металлургическом заводе, была построена железнодорожная ветка, соединившая завод с Балябинским рудником. Были заготовлены в достаточном количестве запасы руды и топлива, обновлено оборудование завода, реорганизована оплата труда на основе золотого исчисления. При перевыполнении нормы пропорционально увеличивалась зарплата.

Домна была пущена в сентябре 1921 г., а вслед за

---

[15] См.: «Экономическая жизнь ДВ», 1922, № 1, стр. 123.

[16] См.: М. И. Целищев. Экономические очерки ДВ. Владивосток, 1925, стр. 72.

[17] Там же, стр. 78.

ней литейный цех. 450 рабочих, насчитывавшихся в это время на заводе, работали с полной отдачей сил. Если в 1921 г. было выплавлено чугуна 56 770 пудов, то в 1922 г. — 96 707 пудов[18].

Шло восстановление предприятий лесной, кожевенной промышленности, стеклоделательного, солеваренного заводов и др.

Из 116 предприятий 78 (68 проц.) были в руках государства и кооперации, на них работали 90 проц. всех рабочих, и только 10 проц. были заняты на частных предприятиях. В государственном секторе в среднем на одно предприятие приходилось свыше 50 рабочих, а в частном — только 10 рабочих. Следовательно, государственная промышленность имела определяющее значение в экономике республики.

Золотая промышленность в годы гражданской войны и интервенции пришла к полному упадку. Меры, принятые правительством в целях оздоровления этой отрасли, оказались еще недостаточно эффективными.

В конце 1922 г. из 2595 золотых приисков эксплуатировалось только 481, в т. ч. государственных — 82[19].

Большое внимание было уделено восстановлению железнодорожного транспорта. Важную роль в этом деле играли партийные организации. В 1922 г. на железнодорожном транспорте было 102 партийных ячейки, объединявших в своих рядах 1404 члена и кандидата партии, или 14 проц. всего состава Дальневосточной партийной организации[20].

По призыву партийных органов проводилась «Неделя сбора железных частей вагонов и паровозов», организовывались субботники, воскресники и т. д. Железнодорожный транспорт получил десятки тонн металлолома, много пригодных частей и деталей паровозов и вагонов. Рабочие Читинских железнодорожных мастерских активно взялись за восстановление железнодорожного транспорта, увеличивая из месяца в месяц количество отремонтированных паровозов и вагонов.

---

[18] См.: М. И. Целищев. Указ. соч., стр. 82

[19] См.: «Отделение Дальневосточного промышленного бюро ВСНХ». Чита, 1923, стр. 12.

[20] См.: «Советский Дальний Восток». Чита — Владивосток, 1923, стр. 32.

Меньшевики и эсеры, используя материальные затруднения железнодорожников, подбивали их на забастовки, создавая стачечные комитеты. Но их провокации не имели успеха. С введением с 1 сентября 1921 г. закона о валютной оплате труда, а также премиальной системы укрепилась трудовая дисциплина. В 1921 г. на Читинской железной дороге было сменено 150 тыс. шпал, а к весне 1922 г. были восстановлены все 98 деревянных и 36 железнодорожных мостов. В 1922 г. по Читинской дороге было отремонтировано 1839 вагонов.

Помощь РСФСР Дальневосточной республике играла важную роль в восстановлении железнодорожного транспорта. Например, была выделена ссуда в размере 2 200 000 рублей золотом, а из Советской России поступали также запасные части, нефтепродукты, смазочные масла и другие необходимые материалы. Восстановление и укрепление железнодорожного транспорта имело не только хозяйственное, но и большое военно-оборонное значение.

Немало трудностей было преодолено в работе водного транспорта. Учитывая опыт навигации 1921 г., правительство ДВР учредило Амурский государственный водный транспорт, который должен был действовать на коммерческих началах. Правительство отпустило кредит Амурскому государственному водному транспорту в размере 60 тыс. руб. золотом. Рабочие, занятые ремонтом судов, были поставлены в особое положение (им выплачивалась зарплата в размере 100 проц.) Это способствовало тому, что к навигации 1922 г. полностью были подготовлены 49 пароходов, 29 паровых котлов и 50 барж[21]. Часть судов на началах аренды была сдана частным предпринимателям.

Процесс восстановления промышленности, железнодорожного и водного транспорта способствовал консолидации рабочего класса республики как главной движущей силы социалистической революции.

Интервенты и белогвардейцы нанесли большой урон сельскому хозяйству. Посевная площадь трех областей Дальневосточной республики (Прибайкальской, Забайкальской и Амурской областей) составляла в 1917 г.

---

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 459, л. 32.

921 075 дес., в 1922 г. сократилась до 694 925 дес. В 1921 г. из-за засухи сбор продовольственных хлебов (с переводом картофеля на зерно) в республике составил 8 452 300 пудов. Между тем потребность населения в продовольственном хлебе составила 19 760 300 пудов[22].

Хорошая подготовка к весенней посевной кампании 1922 г. способствовала увеличению валового сбора продовольственных хлебов, составив в 1922 г. 25 986 000 пудов против 22 946 000 пудов в 1917 г.[23]

Тяжелый ущерб интервенцией и гражданской войной был нанесен животноводству. Только к 1921 г. приостановилось сокращение поголовья скота. Если поголовье разных видов скота в 1917 г. в Забайкалье взять за 100 проц., то 1921 и 1922 гг. характеризуются следующими данными: лошадей было соответственно 68,9 проц. и 71,2 проц., крупного рогатого скота — 63,4 проц. и 64,7 проц., мелкого рогатого скота — 59,2 проц. и 67,8 проц.[24]

* *
*

На территории от Байкала до Тихого океана проживало более 80 национальностей и этнических групп. Основную массу населения Дальнего Востока составляли русские (около 2/3 всего населения). Из коренных народностей самой многочисленной являлись буряты (116 тыс. человек). Из малых народов большинство относилось к тунгусо-маньчжурской группе (эвенки, нанайцы, ульчи и др.). Имелись представители и палеоазиатской группы. Общая численность их составляла 50—60 тыс. человек[25].

Правительство Дальневосточной республики уделяло серьезное внимание разрешению национального вопроса. Это нашло свое отражение в организации и структуре партийных и профсоюзных органов: были созданы подотделы и секции по работе с национальными меньшинствами. В мае 1921 г. было учреждено Министерство национальных дел, вопросы национальной политики

---

[22] См.: П. Д. Лежнин. Богатство Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922, стр. 69.

[23] См.: «Советский Дальний Восток». Чита — Владивосток, 1923, стр. 49.

[24] См.: М. И. Целищев. Указ. соч., стр. 34.

[25] См.: «Дальневосточный путь», 1922, 12 сент.

были предметом обсуждения на заседаниях Дальбюро ЦК РКП(б), на партийных конференциях и пленумах обкомов, губкомов партии.

Однако национальная политика Дальневосточной республики не отличалась последовательностью. Это объясняется тем, что во главе Министерства национальных дел в первое время стояли меньшевики, которые пытались осуществить меньшевистско-бундовскую программу культурно-национальной автономии.

Только в результате острой борьбы коммунистов с представителями мелкобуржуазных партий и смены руководства Министерства национальных дел практика национального строительства ДВР была приведена в полное соответствие с ленинской теорией и программой по национальному вопросу и практикой национального строительства Советской России. Особенно важное место в национальной политике Дальневосточной республики занимала проблема малых народов. Так, в июле 1921 г. был издан закон «О защите туземных народностей». Летом 1921 г. Министерство национальных дел оказало восточным орочонам большую помощь, снабдив их продовольствием и боеприпасами[26].

Правительство Дальневосточной республики приняло меры к ликвидации хищнической эксплуатации малых народов, уничтожению неэквивалентного обмена, создав институт уполномоченных по делам малых народностей в Хабаровске, Благовещенске, поселке Могоча и на озере Баунт. Все лица, желающие вести торговлю с ними, должны были зарегистрироваться, а нарушители подлежали задержанию и преданию суду.

По линии государственной и кооперативной торговли стали создаваться торговые склады, фактории, лавки в местах расселения малых народностей[27]. Эвенки Баунта в счет будущих поставок пушнины получили нарезное оружие и патроны на сумму 4000 руб. золотом[28]. Правительство ДВР установило систему органов туземного управления — родовые советы, туземную управу и съезды родовых советов, а по закону 1922 г. туземные

---

[26] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—623, оп. 1, д. 19, л. 19.

[27] См.: «Вестник Дальневосточной республики», 1922, № 4, стр. 10.

[28] ЦГА ДВ, ф. Р—1001, оп. 2, д. 4, л. 80.

народности и племена выделяются в особые, отдельные от остального населения национально-территориальные единицы. В Забайкальской и Амурской областях стали открываться туземные школы, появились первые медицинские пункты.

Большое внимание уделяло правительство ДВР бурятскому вопросу. Были созданы необходимые условия для политической активности трудящихся бурят. Съезд бурятского населения, проходивший в Верхнеудинске с 24 мая по 3 июня, одобрил образование ДВР и высказался за автономию бурятского народа. Однако бурятские буржуазные националисты, пользуясь своим численным перевесом, сумели в решения съезда включить свои излюбленные идеи о примирении классов, о племенном единстве бурят и т. д., а также добились избрания президиума Бурятского народно-революционного комитета из своих представителей. Националисты захватили руководящие позиции в аймачных и хошунных нарревкомах.

Правительство ДВР, учитывая оппозиционность Бурнарревкома, возглавляемого националистами, не могло идти на официальное признание автономных учреждений бурят, приняв решение 14 июня 1920 г. «считаться с фактическим существованием аймаков, как с органами административного управления среди бурятского населения, финансировать их через определенные министерства»[29].

Исходя из интересов трудящихся бурят, правительство ДВР одобрило создание в Хоринском аймаке сельскохозяйственной школы для подготовки инструкторов по всем отраслям сельского хозяйства, создание учительского совета, медико-санитарного отделения при Бурнарревкоме и т. д. Меры правительства ДВР находили живой отклик среди трудового бурятского населения, которое активно включилось в работу по строительству буферной республики.

Националистическое руководство Бурнарревкома не унималось, ставя под сомнение способность правительства республики разрешить вопрос бурятской автономии. Его печатный орган «Голос бурят-монгола» был

---

[29] ПАБО, ф. 57, оп. 1, д. 15, л. 9.

заполнен инсинуациями и выпадами против правительства ДВР. В такой обстановке руководящие работники Дальневосточной республики проявили необходимую выдержку, осторожность и гибкость.

Решающее значение в вопросах автономии бурят имело принятое по инициативе В. И. Ленина решение Политбюро ЦК РКП(б) от 14 октября 1920 г. о необходимости проведения в жизнь автономии бурят.

Если в пределах РСФСР образование Бурятской Советской автономной области проходило под непосредственным руководством коммунистов, то в пределах ДВР сложились иные обстоятельства. На первых порах создание бурятской автономии находилось в руках буржуазных националистов, многие из которых были достаточно скомпрометированы, так как во время белого террора их лидеры в блоке с японцами и Семеновым возглавляли националистическую контрреволюцию в Бурятии.

Буржуазные националисты, возглавлявшие Бурнарревком, были вынуждены на словах признать ДВР, руководимую коммунистами.

Идя навстречу интересам бурятского трудового населения, правительство ДВР 17 января 1921 г. признало «аймачные управления, хошунные и сомонные комитеты местными органами бурятского самоуправления, которые финансируются через Министерство финансов»[30]. Также созывались совещания Бурнарревкома с представителями министерств по бурятскому вопросу.

На Учредительном собрании ДВР бурятская фракция, возглавляемая буржуазными националистами, в своей декларации выдвинула программу, не имевшую ничего общего с интересами трудящихся, требуя, чтобы «государственная монополия на сырье и пушнину не распространялась на бурятскую народность» и настаивая на том, чтобы было предоставлено бурятскому управлению «право торговых сношений с иностранными рынками по сбыту сырья и пушнины». В декларации проводилась излюбленная идейка буржуазных националистов о «нейтралитете» бурят в классовой борьбе.

Эта декларация свидетельствовала, что буржуазные

---

[30] «Собрание узаконений...», 1921, № 1 (5), 31 янв.

националисты остались верными самим себе. Они следовали своему старому курсу, рассчитанному на отрыв трудящихся бурят от революционной борьбы, на изоляцию их от борьбы русского рабочего класса и революционного крестьянства. Политика «нейтралитета» объективно была направлена на поддержку контрреволюционных сил и на ослабление революционных сил трудящихся. Эта политика шла вразрез с интересами и стремлениями трудящихся бурят, ведущих борьбу вместе с русскими трудящимися против белогвардейцев и интервентов.

Программа и притязания бурятской фракции преследовали далеко идущие цели. В конечном счете они были направлены на то, чтобы создать самостоятельное буржуазное государство бурят как по форме, так и по существу, не зависимое ни от ДВР, ни от РСФСР. Совершенно справедливо декларация бурятской фракции была отвергнута Учредительным собранием.

По инициативе коммунистической фракции и членов фракции крестьян большинства было принято предложение «об автономии бурятской народности». Конституция ДВР провозгласила, что вся территория, населенная бурятским народом, выделяется в особую область под названием Бурят-Монгольская автономная область. Население ее должно подчиняться общим законам республики и в пределах области быть самостоятельным в сфере организации суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни. Она должна самоуправляться на основании общих законов республики областным собранием уполномоченных, которое избирает исполнительный орган — областное управление[31].

Таким образом, Учредительное собрание ДВР, руководимое коммунистами, дало бурятскому народу автономию. Теперь надо было добиться, чтобы вырвать это оружие из рук буржуазных националистов. Поэтому развернулась ожесточенная и упорная борьба коммунистов против бурятских буржуазных националистов.

Бурятские буржуазные националисты действовали весьма активно. Чтобы захватить в свои руки руководство в автономной области, они объявили бурятских де-

[31] См.: «Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики». Чита, 1921, стр. 26—27.

путатов Учредительного собрания съездом Бурятской автономной области ДВР якобы на основании полученных от избирателей полномочий. «Съезд», распустив Бурнаррevком, образовал Временное управление Бурят-Монгольской автономной области (Бурмонавтоупр) во главе с буржуазными националистами.

Националистическое руководство Бурмонавтоупра, чуждое интересам трудящихся бурят, тормозило рост политической активности трудового народа и не обеспечило своевременный созыв уполномоченных бурятского народа в национальное собрание, отложив его до 15 октября вместо 1 июля 1921 года.

Вопрос об укреплении органов бурятской автономии ДВР обсуждался на заседании бюро бурятской секции Иркутской организации РКП(б) 6 июля 1921 года. По докладу М. И. Амагаева «О положении Бурят-Монгольской автономной области ДВР и задачах организации РКП(б)»[32] бюро постановило: «Признать неправильной тактику самоустранения бурятских коммунистов от революционной и партийной работы среди бурят-монгольского населения ДВР... обеспечить руководство и контроль в центральном управлении автономной области за бурятскими коммунистами... Для проведения принятых положений через ДБ (Дальбюро — *И. Е.*) ЦК РКП(б), правительство ДВР и учредительный съезд бурят-монголов в город Читу командировать тов. Амагаева»[33].

Осенью 1921 года в состав президиума Бурят-Монгольского автономного управления были введены коммунисты.

Перед коммунистами стояла задача добиться руководящего положения в строительстве автономной области. Выполнение этой задачи зависело от предстоящих выборов в народное национальное собрание Бурят-Монгольской автономной области. В ходе избирательной кампании коммунистам удалось в значительной мере изолировать националистов и обеспечить политическую активность трудящихся.

Национальное народное собрание Бурят-Монгольской автономной области ДВР проходило в Чите с 12

---

[32] ПАБО, ф. 58, оп. 1, д. 5, л. 70.
[33] Там же, лл. 70—72.

октября по 3 ноября 1921 года. По текущему моменту национальное собрание приняло резолюцию, предложенную коммунистами: «Выразить полное доверие и поддержку правительству ДВР... Национальное собрание признает, что тесный контакт бурятского трудового народа с революционными трудящимися ДВР жизненно необходим»[34]. Следовательно, тезис бурятских националистов о «нейтралитете» был отброшен. Это была большая победа коммунистов в деле разоблачения политической платформы бурятских буржуазных националистов.

Национальное собрание приняло закон об автономии Бурят-Монгольской области ДВР и отстранило бурятских буржуазных националистов от руководства Бурятской автономной областью, избрав президиум управления автономной области во главе с коммунистом М. Н. Амагаевым. С этого времени была обеспечена руководящая роль коммунистов в строительстве автономной области бурят ДВР[35].

* * *

Культурное строительство явилось важнейшим участком классовой борьбы в Дальневосточной республике. Шла напряженная борьба за идеологическое влияние в массах. Коммунистическая партия наметила программу широкого просвещения трудящихся масс, которая была проникнута передовыми, подлинно демократическими идеями. Коммунистам в борьбе с представителями мелкобуржуазных и буржуазных партий удалось добиться закрепления передовых идей в Конституции. Так, статья 174 гласит: «Республика ставит своей задачей предоставить всем ее гражданам, и в первую очередь трудящимся, всестороннее образование»[36]. Школа отделялась от церкви, обучение объявлялось обязательным, совместным для обоих полов и на родном языке учащихся. В статье 178 Основного закона декла-

---

[34] ЦГА БурАССР, ф. 278, оп. 1, д. 38, л. 100.

[35] Вопрос о национальной политике и практике Дальневосточной республики является настолько обширным и сложным, что он нуждается в специальном рассмотрении.

[36] «Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики». Чита, 1921, стр. 37.

рировалось: «Образование и воспитание во всех школах республики должно представлять единую систему, объединенную общностью целей, преемственностью содержания и основанную на трудовых принципах преподавания»[37].

Состояние народного образования в Дальневосточной республике (без Приморья) за 1921/22 учебный год характеризуется такими данными: школ I ступени — 1522 и школ II ступени — 106. На одного учителя приходилось учащихся в начальной школе — 52, в средней — 96[38].

Большие преобразования произошли в работе школ. Был введен новый режим, изменились методы преподавания. создавались органы ученического самоуправления, возникали ячейки Коммунистического Союза молодежи, а также пионерские отряды. Неуклонно укреплялось коммунистическое влияние в школьном деле. На первых порах наблюдался раскол в учительской среде. Небольшая группа учителей стояла на позициях соглашательских партий. Но с каждым днем советское влияние усиливалось и советская идеология становилась преобладающей как в среде интеллигенции, так и среди учащейся молодежи.

Серьезные сдвиги наметились в культурно-просветительной работе. К концу 1921 г. в Дальневосточной республике существовало около 100 Народных домов и клубов, несколько Народных университетов, до 200 школ грамоты для взрослых, свыше 200 изб-читален, 200 библиотек, огромное количество общеобразовательных курсов. культурно-просветительных кружков и т. д.

Были созданы научные общества, стали издаваться научные журналы, росли научные кадры.

Дальневосточные партийные организации обратили серьезное внимание на развитие литературы и искусства. Из рядов писательских организаций Забайкалья и Дальнего Востока вышли такие выдающиеся деятели литературы, как А. Фадеев, Н. Асеев, С. Третьяков и др.

Большая работа, проведенная в Дальневосточной рес-

---

[37] «Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики». Чита, 1921, стр. 38.

[38] См.: «Реформа». (Сб. материалов о народном просвещении в ДВР). Чита, 1921, стр. 11.

публике в области культурного строительства, сыграла важную роль в деле коммунистического воспитания и просвещения масс, росте политической сознательности и активности трудящихся.

* *
*

В «Кратких тезисах о Дальневосточной республике», утвержденных пленумом ЦК РКП(б) 12 января 1921 г., был определен характер и направление внешнеполитического курса правительства Дальневосточной республики. «Внешняя политика Дальневосточной республики целиком подчиняется РСФСР. Все политические мероприятия и заявления Дальневосточной республики принципиального характера делаются с санкции ЦК РКП(б) или НКИД». В своей дипломатической деятельности Дальневосточная республика должна способствовать «скорейшему установлению непосредственных сношений РСФСР с иностранными державами»[39].

В соответствии с этими указаниями коммунистическая фракция в своей декларации в Учредительном собрании задачи внешней политики Дальневосточной республики конкретизировала так: 1) неуклонное изживание всех видов интервенции в Дальневосточной республике, 2) недопущение чьего бы то ни было иноземного вмешательства во внутренние дела Дальневосточной республики и 3) политика открытых дверей для иностранной промышленности и торговли, стремление к установлению дружественных отношений с дружественными державами и возобновление с ними экономических отношений на началах взаимного обмена.

С самого начала существования Дальневосточной республики отношение к ней со стороны США характеризуется противоречивостью.

Правительство США, не признававшее ДВР, продолжало свою враждебную деятельность, предпринимало все от него зависящее для укрепления контрреволюционных сил на Дальнем Востоке, для изоляции ДВР на международной арене. Не случайно правительство США не допустило представителей ДВР к участию в Вашингтонской конференции.

Вместе с тем следует отметить, что деловые круги

---

[39] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 55, л. 29.

США стремились установить торгово-экономические отношения с ДВР с тем, чтобы эксплуатировать сырьевые ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Осуществление нэпа в Дальневосточной республике создавало в правящих и деловых кругах США надежду на превращение буфера в буржуазное государство, поэтому круги Америки поддерживали буржуазные элементы Дальневосточной республики.

Выборы в Учредительное собрание, работа его, принятие Конституции сильно подорвали расчеты правящих кругов США на перерождение Дальневосточной республики в буржуазное государство. Это обстоятельство приводило к враждебным выпадам правительства США против Дальневосточной республики.

Установлению официальных дипломатических и экономических отношений ДВР с Китаем помешали империалистические государства, от которых находилось в зависимости реакционное правительство Пекина. Но несмотря на это, дипломатические контакты Дальневосточной республики с Китаем были положительными, поскольку между ними установились отношения де-факто.

Важным моментом в дипломатической деятельности ДВР явилась Дайренская мирная конференция, проходившая с 26 августа 1921 по 16 апреля 1922 года. Япония, долгое время уклонявшаяся от официальных встреч с представителями ДВР, согласилась на предложение правительства ДВР от 13 июля 1921 г. о начале переговоров между ДВР и Японией, назначив местом переговоров г. Дайрен.

Такой поворот Японии объяснялся тем, что ведомство иностранных дел США 10 июля 1921 г. опубликовало сообщение о созыве в Вашингтоне конференции империалистических держав для обсуждения «тихоокеанского», «китайского», «сибирского» и других вопросов. Конференция ставила своей целью установить главенствующее положение США в бассейне Тихого океана и изолировать Японию. Это встревожило японских милитаристов, стремившихся к монопольному господству на Дальнем Востоке. Япония хотела поставить Вашингтонскую конференцию перед фактом, что Япония без вмешательства других стран разрешила путем переговоров с ДВР «сибирский вопрос». Немаловажной причиной по-

служили трудности внутриполитического положения Японии: рост забастовочного движения рабочих, выдвигавших политические требования, в том числе требование вывода японских войск из Сибири, усилившиеся разногласия в правящих кругах Японии по «сибирскому вопросу». Вместе с тем правящие круги Японии должны были считаться с фактом несомненной политической консолидации ДВР, с укреплением политических позиций Советской России на международной арене. Идя на эту конференцию, японские империалисты рассчитывали продиктовать ДВР выгодные условия вывода своих войск с русского Дальнего Востока.

Коммунисты сразу разгадали коварство тактических расчетов Японии и не обольщали себя никакими иллюзиями по поводу дайренских переговоров. Но во имя обеспечения мира правительство ДВР решило пойти на переговоры вопреки попыткам США сорвать эту конференцию[40].

Делегация ДВР внесла проект соглашения «О мире, дружбе и торговле», состоящий из 29 пунктов[41] и основанный на принципах мирного сосуществования. Он предусматривал эвакуацию в течение месяца японских войск с русского Дальнего Востока, обязательство правительства ДВР предоставить Японии концессии и непременное участие в переговорах представителей Советской России.

Японская делегация, разыгрывая роль диктатора-победителя, пыталась навязать тяжкие условия мира, требуя предоставить японцам свободу колониального грабежа и разбоя на Дальнем Востоке[42]. Подобные требования были отвергнуты делегацией ДВР.

За ходом Дайренской конференции внимательно следили в Москве и Чите. Руководители Советской России и ДВР направляли деятельность делегации ДВР. Это позволило делегации ДВР выдержать трудную дипломатическую дуэль с изощренным хитрым противником. «В. И. Ленин через т. Чичерина прислал нам директиву:

---

[40] См.: С. Григорцевич. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.). М., 1957, стр. 136—138.

[41] См.: «Документы внешней политики СССР», т 4, стр. 724.

[42] ЦГА ДВ, ф. Р—2419, оп. 1, д. 10, л. 20.

учитывать противоречия на Вашингтонской конференции и продолжить твердую позицию в Дайрене»[43]. Ход Дайренской конференции являлся предметом обсуждения на заседании Дальбюро ЦК РКП(б). Оно признало желательным «держать тесную связь с делегацией, указывая им на обязательность действовать в духе данных директив»[44]. Переговоры были использованы как удобная международная трибуна для пропаганды принципов мирного сосуществования и разоблачения захватнических притязаний милитаристских японских кругов.

Японские правящие круги, начиная дайренские переговоры, не думали, конечно, серьезно об эвакуации своих войск с Дальнего Востока. И после того как за кулисами Вашингтонской конференции японцы уступили своим заокеанским партнерам по грабежу в Китае, признав их принцип «открытых дверей» и «равных возможностей», они развязали себе руки на русском Дальнем Востоке. Теперь Япония могла идти на прекращение дайренских переговоров, тем более, что в правительственных кругах Японии победила милитаристская клика.

15 апреля 1922 г. японская делегация в ультимативной форме потребовала от делегации ДВР подписать кабальный «мирный договор». Эти требования были отвергнуты представителями ДВР. Тогда японская сторона покинула конференцию. Дайренская конференция после почти 8-месячных заседаний прервала свою работу, не дав никаких результатов. Японские милитаристы, прервав переговоры, разоблачили себя как агрессоры. Коммунисты в ходе этих переговоров проявили огромное терпение и выдержку, искусный дипломатический такт и настойчивость и показали всему миру, что правительство ДВР преследует мирные цели.

Таким образом, мирные дипломатические акции правительства Дальневосточной республики способствовали разрешению важных проблем русского Дальнего Востока.

---

[43] Ф. Н. Петров. 65 лет в рядах ленинской партии. М., 1962, стр. 91.

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 152.

Глава V

РАЗГРОМ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, ИЗГНАНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ И ВОССОЕДИНЕНИЕ ДВР С РСФСР

В конце 1920 — начале 1921 гг. империалисты, используя трудности в Советской стране (кронштадтский мятеж, кулацкая контрреволюция и др.), вновь стали на путь подготовки антисоветской интервенции. В этих планах империалистов важная роль отводилась выступлению белогвардейских сил на Дальнем Востоке.

Изгнанные из Забайкалья семеновские и каппелевские банды по инициативе американцев и японцев были перебазированы из Маньчжурии в Приморье, где были вооружены и подготовлены для нападения на ДВР с целью свержения народно-революционной власти. Во главе японской армии на Дальнем Востоке был поставлен наиболее агрессивно настроенный генерал Тачибана. Под руководством японского генерального штаба белогвардейцы приняли план общего и одновременного нападения на ДВР и Советскую Россию от Приморья на Востоке до Туркестана на Западе[1].

26 мая 1921 г. белогвардейцы под руководством и при помощи японской военщины произвели контрреволюционный переворот во Владивостоке, свергли власть Приморского областного управления ДВР и установили диктатуру крупной буржуазии во главе с капиталистами братьями Меркуловыми. Одновременно с этим произошло нападение на Забайкалье банд японского наемника

---

[1] См.: С. Н. Шишкин. Указ. соч., стр. 190.

барона Унгерна. Американское правительство полностью поддерживало эти интервенционистские планы и действия японцев на Дальнем Востоке.

ЦК РКП(б), тщательно обсудив создавшееся положение на Дальнем Востоке, констатировал, что там назревает новый очаг войны против Советской России. 28 мая 1921 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) была принята система важных мероприятий. На работу в НРА были посланы опытные командиры во главе с В. К. Блюхером[2], который был назначен главкомом НРА и военным министром ДВР. Были приняты меры по укреплению НРА. Принципиальные основы реорганизации НРА изложены в приказе В. К. Блюхера по войскам НРА от 30 июня 1921 года[3].

ЦК РКП(б) и СНК РСФСР выделили на нужды НРА 1,5 млн. руб. золотом[4].

В выполнении своих интервенционистских планов в Забайкалье и на Дальнем Востоке Япония возлагала большие надежды на своего ставленника командующего конно-азиатской дивизией барона Унгерна, войска которого были направлены в Монголию.

Задача Унгерна состояла в том, чтобы изгнать из Внешней Монголии китайские оккупационные войска, установить там протекторат Японии под флагом фиктивной автономии Монголии и превратить Монголию в плацдарм для нападения на Советскую Россию и ДВР.

Унгерн, используя нараставшее национальное движение монголов против сурового оккупационного режима китайских милитаристов[5], в феврале 1921 г. захватил Ургу, создал марионеточное правительство, возведя на престол Богдо-Гегена, назначил себя главнокомандующим вооруженными силами и стал готовиться к походу против РСФСР и ДВР.

В 1920 г. на политическую арену выступили революционно-демократические силы монгольского народа. Большую помощь этим силам оказала Советская Россия. В августе 1920 г. монгольские революционеры во главе

---

[2] См.: «Из истории гражданской войны СССР», т. 3, М., 1961, стр. 751—752.

[3] См.: В. К. Блюхер. Статьи и речи, М., 1963, стр. 201—202.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 101, л. 103.

[5] «Вестник НКИД», 1921, № 9—10, стр. 28.

с Сухэ-Батором и Чойбалсаном прибыли в Иркутск, откуда монгольская делегация последовала в Москву, где была принята В. И. Лениным. В. И. Ленин горячо поддержал идею борьбы за национальное освобождение монголов и ликвидацию феодализма в стране. Он указал, что эту трудную и сложную задачу можно решить путем объединения всех сил народа. «Нужно еще больше укрепить народную партию, не теряя времени, тщательно совершенствовать выучку народной армии, обеспечить защиту завоеванных успехов»[6]. Эти указания В. И. Ленина легли в основу всей деятельности Народно-революционной партии и народного правительства Монголии и помогли им возглавить борьбу за независимость страны, свободу и счастье аратов. Главнокомандующим народной армией стал национальный герой монгольского народа Сухэ-Батор.

Огромную помощь в создании Монгольской Народно-революционной партии, правительства и народной армии оказали РСФСР и ДВР.

Началом народной революции в Монголии явились разгром войск китайских оккупантов и освобождение Маймачена 18 марта 1921 г. Народно-революционной армией и партизанами под командованием Сухэ-Батора и Чойбалсана. Маймачен стал центром и базой Народно-революционного правительства в борьбе за изгнание белогвардейцев и установление народно-демократического режима.

Угроза нападения Унгерна на Советскую Россию и ДВР явилась предметом обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) и Дальбюро ЦК РКП(б). В связи с этим состоялся обмен нотами между председателем Сибревкома и министром иностранных дел ДВР о согласовании своих действий против Унгерна.

Майско-июньское наступление Унгерна на РСФСР и ДВР кончилось разгромом его войск, и Унгерн был вынужден отступить в Монголию. Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании от 16 июня 1921 г., рассмотрев вопрос об окончательном разгроме Унгерна, признало, «что настоящий момент чрезвычайно благоприятен для нане-

[6] Балингийн Цэрэн-Доржи. Воспоминания о встрече с Лениным. — В кн.: «Книга братства». Москва—Улан-Батор, 1971, стр. 98.

сения ему сокрушительного удара, для чего требуется со стороны войск РСФСР и ДВР совершить поход внутрь Монголии, являющийся в данный момент даже военной необходимостью»[7].

На основе решения Политбюро ЦК РКП(б) был сформирован экспедиционный корпус, который вместе с основными силами Народно-революционной армии Монголии занял Ургу. Так совершился важный этап победы монгольской аратской революции.

Тем временем, подтянув резервы, Унгерн вновь перешел в наступление, и ему удалось прорваться в Прибайкалье до Селенгинска и Гусиноозерского дацана, но на этом его успехи закончились. 5—6 августа 1921 г. войска 5-й Красной Армии и НРА к югу от района Гусиного озера нанесли сокрушительный удар Унгерну. Разбитые части Унгерна бежали в Монголию, где Унгерн был взят в плен разведчиками 35-го кавалерийского полка, которыми командовал К. К. Рокоссовский[8]. 15 сентября 1921 г. в Новониколаевске Унгерн был осужден ревтрибуналом и расстрелян. Так закончилась авантюра японских империалистов, пытавшихся при помощи белогвардейцев овладеть Монголией и превратить ее в антисоветский плацдарм.

Разгром унгерновщины способствовал укреплению и утверждению народно-революционного строя в Монголии. Он содействовал повышению международного престижа ДВР и послужил важной вехой в окончательном разгроме белогвардейцев и изгнании интервентов

* * *

После контрреволюционного переворота, происшедшего 26 мая 1921 г. во Владивостоке, японское командование стало усиленно готовить белогвардейские части к походу против ДВР.

В ходе Дайренской конференции правящие круги Японии убедились, что нельзя подчинить ДВР своему влиянию дипломатическим путем. Они решили одновре-

---

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 260.

[8] Автор ограничился кратким изложением событий, касающихся разгрома Унгерна. Подробно см.: С. Кислов. Разгром Унгерна. М., 1964; Б. Д. Цибиков. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.

менно испытать против ДВР силу оружия. Готовясь к этому походу, они предприняли меры для ограждения своего тыла и правого фланга. С помощью провокаторов им удалось дважды разгромить большевистское подполье в Приморье. Это подорвало боеспособность партийных организаций и ослабило партийное руководство партизанским движением.

В ноябре 1921 г. японцы начали широкие операции против приморских партизан. Под ударами превосходящих сил противника партизаны с боями отошли в тайгу и сопки. Этим наступлением был нанесен тяжелый удар партизанскому движению в Приморье. В строю осталось всего 500 человек из трех тысяч бойцов. Оградив свой тыл и правый фланг, белогвардейцы во главе с генералом Молчановым 30 ноября 1921 г. повели наступление из Приморья против ДВР. Части Народно-революционной армии, расположенные в этом районе, вели напряженные бои с белоповстанческой армией (так называли себя белогвардейцы). Уступая белым в численности и вооружении, они были вынуждены отступать. 22 декабря белые захватили Хабаровск и, перейдя Амур, заняли станцию Волочаевка. Чтобы перерезать пути отступления частей НРА, белогвардейцы направили от селения Казакевичево в обход Хабаровска конные войска генерала Сахарова, которые должны были зайти в тыл, разрушить железную дорогу и разгромить революционные войска хабаровского направления. Этот план был сорван. Чтобы остановить наступление врага, Амурский обком партии мобилизовал коммунистов и создал отряд особого назначения из 200 человек во главе с коммунистом Седойкиным (А. Н. Бородкин), который должен был задержать возле Казакевичево наступление полуторатысячного отряда белых. Коммунисты сражались геройски и почти все пали смертью храбрых в этом неравном бою. Частям Народно-революционной армии удалось отойти к станции Ин и занять новые позиции. Неудачи частей Народно-революционной армии в этом районе объяснялись во многом стратегическим просчетом правительства ДВР, считавшего, что Япония в ближайшее время выведет свои войска, а также неудовлетворительной работой командования и штаба Приамурского военного округа.

Партийное и военное руководство ДВР недооценило опасность наступления белых со стороны Приморья[9], а потому сосредоточило основные и лучшие вооруженные силы в Восточном Забайкалье.

Над Дальневосточной республикой нависла серьезная опасность. Дальбюро ЦК РКП(б) объявило партийную организацию на военном положении. Из Читы отправили на фронт 500 коммунистов. Амурская парторганизация направила в ряды Народно-революционной армии 50 проц. своего состава[10]. Проводилась большая работа по мобилизации трудящихся республики. Были приняты меры по повышению боеспособности частей НРА, по формированию новых соединений. По указанию В. И. Ленина из Советской России на Дальний Восток приехали опытные военные и политические работники. Была проведена «Неделя помощи фронту» и собрано для материального обеспечения армии ценностей на сумму 300 тыс. руб. золотом. Были созданы центральные и местные комитеты помощи фронту, которые провели большую работу по сбору средств для НРА. Решительно пресекалась деятельность контрреволюционных организаций и банд, укреплялся тыл. Особо важные и чрезвычайные мероприятия были проведены в Амурской области, так как она являлась ближайшим тылом фронта.

Из Забайкальского военного округа срочно были отправлены особый Амурский полк, Троицкосавский кавалерийский полк и Читинская стрелковая бригада. Были образованы Забайкальская группа войск Восточного фронта и Инская группа.

Все эти меры привели к укреплению сил Народно-революционной армии. Был достигнут решительный перелом на фронте. Под руководством командующего Восточным фронтом С. М. Серышева и комиссара П. П. Постышева части НРА остановили войска белых у станции Ин. На рассвете 28 декабря белогвардейцы повели наступление на станцию Ин. Шел ожесточенный бой. Части НРА, отразив все атаки белых, перешли в наступление. Инский бой закончился поражением врага. С этого времени инициатива перешла к НРА. Отступив к Воло-

---

[9] См.: «История гражданской войны в СССР», т. 5, стр. 354—355.

[10] См.: В. К. Блюхер. Указ. соч., стр. 165.

чаевке, белогвардейцы решили укрепить ее, перейти к активной обороне и весной перейти в наступление. Этот замысел противника был раскрыт. Была поставлена задача: до весны разгромить белых. Для руководства НРА на фронт выехал главком В. К. Блюхер со своим штабом.

В период подготовки к наступлению политические органы Восточного фронта разъясняли народоармейцам политику партии, принимали меры по укреплению революционной дисциплины и искоренению партизанщины. На помощь политотделу фронта была направлена группа квалифицированных политработников во главе с А. Т. Якимовым. Указания главкома В. К. Блюхера о необходимости всемерно поднять революционный боевой дух и дисциплину в войсках были положены в основу работы политорганов и парторганизаций войск фронта. Боевые призывы гласили: «Даешь Волочаевку!», «Хабаровск должен быть красным!», «Вперед за освобождение Приморья!», «Привал на Имане — отдых во Владивостоке»[11].

Велась пропаганда среди белогвардейских войск. Распространялись листовки, которые призывали сдаваться в плен, переходить на сторону НРА.

«Район Волочаевка был белыми заблаговременно укреплен инженерными сооружениями, имел стрелковые и пулеметные окопы, отлично оборудованные артиллерийские позиции с наблюдательными пунктами. Командующей точкой на позиции являлась сопка Июнь-Корань. Она была тактическим ключом позиции. Подступы к Волочаевской позиции с нашей, западной, стороны были открытые и пустынные — на 30—40 километров к западу от Волочаевки не было населенных пунктов и построек, обогреваться и укрываться было негде. Рыхлый, глубокий снег покрывал равнину перед фронтом, как хорошая и естественная преграда»[12].

Японская военщина и белогвардейское командование были уверены в неприступности Волочаевки, а в американских газетах Волочаевку называли дальневосточным Верденом.

---

[11] См.: «Героические годы борьбы и побед». М., 1968, стр. 276—277.

[12] Я. З. Покус. Штурм Волочаевки и Спасска. М., 1938, стр. 54.

Соотношение сил в январе 1922 г. было таково: белые имели на фронте 5430 штыков, 2280 сабель, 103 пулемета, 19 орудий и 2 бронепоезда, а Народно-революционная армия —4335 штыков, 1303 сабли, 170 пулеметов, 44 орудия, 2 бронепоезда[13].

Народно-революционная армия под руководством В. К. Блюхера, перейдя в наступление 10—12 февраля 1922 г., нанесла белогвардейцам под Волочаевкой сокрушительный удар.

«В снегу, на морозе, полуголодные, после шести дней, проведенных под открытым небом, залегли наши цепи перед искусно построенными заграждениями противника у Волочаевки,— писал об этих днях В. К. Блюхер,— и, движимые единым желанием победить или умереть,— победили. И то, что, по мнению противника, казалось недоступным для нас, было достигнуто нашими революционными рядами, несмотря на холод, голод и крайне невыгодные для боя условия местности.

Одно могу сказать: беззаветную преданность делу революции и республике, нечеловеческую выносливость, редкую доблесть, мужество, величайшее самопожертвование и революционный порыв проявила армия при выполнении возложенной на нее трудовым народом боевой задачи»[14].

Волочаевское сражение свидетельствовало о политической и боевой зрелости Народно-революционной армии. Оно стало поворотным пунктом в борьбе за освобождение Дальнего Востока. Не случайно Волочаевская победа вошла в историю под названием дальневосточного Перекопа. Как в штурме Перекопа, так и под Волочаевкой революционные войска показали чудеса храбрости, величайшие образцы героизма, беззаветную преданность народу и Советской власти.

За мужество и героизм в волочаевском бою 6-й стрелковый полк, в рядах которого сражались интернациональные роты корейцев и китайцев, бронепоезд № 8 «Освободитель», 3-я отдельная легкая батарея были награждены орденами Красного Знамени. 6-й полк впоследствии был переименован в 4-й ордена Красного Знамени Волочаевский стрелковый полк. Орденами Красного Зна-

---

[13] См.: «Героические годы борьбы и побед». М., 1968, стр. 279.
[14] См.: «История гражданской войны». ГИЗ, 1935, стр. 253—254.

мени были награждены наиболее отличившиеся 67 командиров и бойцов НРА. Слава героев волочаевского штурма воспета в народных песнях и легендах. Под Волочаевкой был нанесен смертельный удар не только белогвардейцам, но и интервентам.

Военно-политическое положение ДВР укрепилось. 14 февраля 1922 г. войска НРА освободили Хабаровск, а в апреле 1922 г. подошли к Спасску, где белогвардейцы создали сильно укрепленный район.

В это время международное положение Японии ухудшилось. Обострились противоречия между США и Японией за сферы влияния на Тихом океане. Ухудшилось внутреннее положение самой Японии в связи с послевоенным экономическим кризисом: рост государственного долга, сокращение экспорта в связи с усилением конкуренции с Америкой и Англией, закрытие многих предприятий, ухудшение положения народных масс и обострение классовой борьбы. Во главе народных масс стала японская коммунистическая партия, основанная. в 1922 г. из коммунистических групп. По инициативе японской коммунистической партии была основана «Лига борьбы против интервенции в России». В стране поднялась борьба народных масс против интервенции под лозунгом немедленной полной эвакуации японских войск из России, открытия торговли с Россией и признания Советского правительства. Все это вместе взятое, а также разгром белых Народно-революционной армией и провал политики вооруженной интервенции привели к смене кабинета министров Японии. Новый кабинет, возглавляемый адмиралом Като, 24 июня 1922 г. принял решение о выводе японских войск из Приморья и установил срок окончания эвакуации 1 ноября 1922 года.

О своем решении об эвакуации войск из Приморья японское правительство известило правительство ДВР. В связи с этим оно вызвало желание продолжить переговоры, прерванные в Дайрене. Правительство ДВР согласилось на переговоры при условии участия в них Советской России. Япония вынуждена согласиться с предложением ДВР.

На конференции, проходившей с 4 по 26 сентября 1922 г. в г. Чаньчуне, РСФСР и ДВР были представлены

объединенной делегацией. Японская делегация настаивала на том, чтобы заключить особый договор с РСФСР. Объединенная делегация отклонила это предложение, указав, что экономическая и политическая жизнь РСФСР и ДВР настолько тесна, что обсуждение вопросов с каждой из них в отдельности невозможно. На этой конференции Япония добивалась признания захвата ею Северного Сахалина. Представители РСФСР и ДВР отвергли японские домогательства и потребовали полного очищения всей территории русского Дальнего Востока. После отказа Японии идти на соглашение объединенная делегация 26 сентября покинула Чаньчунскую конференцию.

Благоприятная обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке, позволила правительству ДВР продолжить изгнание интервентов и белогвардейцев с Дальнего Востока.

Народно-революционная армия продвигалась в Приморье. На территории, освобожденной от белогвардейцев, была создана «официальная гласная власть ДВР» в виде Приморского народно-революционного комитета во главе с И. В. Слинкиным, а партбюро Приморской области было реорганизовано в областное бюро РКП(б) в составе К. Ф. Пшеницына, П. Никитенко, А. К. Флегонтова[15]. Военный совет партизанских отрядов Приморья возглавил А. К. Флегонтов, членами его были назначены Кручина и Кокушкин. Была установлена регулярная связь Дальбюро ЦК РКП(б) с приморскими организациями и усилена их деятельность, направленная на подрыв японо-меркуловской власти. Для осуществления оперативного руководства низовыми партийными и государственными органами был образован институт уполномоченных областного бюро и облнаррevкома.

Меркуловский режим, установившийся в Приморье, вызывал сильное недовольство народа. Народное собрание в начале июля 1922 г. объявило о низложении Меркулова. В ответ на это Меркулов, опираясь на Семенова, объявил о роспуске Народного собрания[16]. Это кончилось тем, что в Приморье был приглашен из белой эмиграции генерал Дитерихс, который по прибытии во Владивосток стал на сторону Меркулова, распустил Народное

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, лл. 83—88.
[16] См.: П. С. Парфенов. Указ. соч., стр. 335.

собрание и объявил о созыве земского собора.

Дальбюро ЦК РКП(б) в связи с этим переворотом предложило следующую тактику: «Наша тактика — решительная изоляция меркуловщины от трудовых масс населения и дискредитировать ее со всей решительностью и твердостью. Партия не может принять участия в выборах «земского собора», так как такое участие содействовало бы росту иллюзий в массах, что меркуловщину можно изжить или реформировать парламентским путем...» Основным содержанием агитационной работы должен быть «бойкот выборов в «земский собор» под лозунгом «долой меркуловщину и интервенцию» за воссоединение ДВР с Советской Россией»[17].

Меркуловцам удалось все-таки созвать собор. Состав его был подтасован[18]. Собор представлял собой монархический сброд из белых генералов, верхушки казачества, духовенства, бывших полицейских жандармов, домовладельцев и торгово-промышленной буржуазии. Он решил возродить монархию во главе с представителем дома Романовых и избрал «правителем Приамурского земского края» Дитерихса, который был облечен правами военного диктатора. Белогвардейские войска были переименованы «в земскую рать», и Дитерихс назвал себя «воеводой» этой «рати». При поддержке японской военщины Дитерихс стал готовить поход против ДВР. Всеобщая мобилизация населения, объявленная Дитерихсом, провалилась. Трудящиеся Приморья уходили к партизанам. «Земская рать» развалилась — разбегались не только солдаты, но и офицеры.

Несмотря на безнадежность положения, Дитерихс решил обороняться на укрепленных позициях. Спасский укрепленный район стал основным пунктом их обороны. Он был расположен между горами Сихотэ-Алинь и озером Ханка, закрывая вход в южное Приморье с севера. Этот район состоял из семи сомкнутых редутов, огражденных окопами, блиндажами и проволочными заграждениями, прикрывая город Спасск со всех сторон. Основная сила «земской рати» находилась здесь.

В начале октября 1922 г. была закончена подготовка

---

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 324, лл. 161—162; «Борьба за власть Советов в Приморье», стр. 710, 716, 729.

[18] Там же, л. 163.

к наступлению Народно-революционной армии в районе Спасска. В ночь с 4 на 5 октября НРА перешла в наступление под командованием И. П. Уборевича. Штурм спасских укреплений начался 7 октября. 9 октября весь укрепленный Спасский район был взят[19]. Были захвачены штаб генерала Молчанова, знамена трех полков, бронепоезд и другие трофеи. Взятие укрепленного Спасского района свидетельствовало о героизме и мужестве бойцов и командиров Народной Армии.

Героический подвиг бойцов и командиров Спасска, как и Волочаевки, воспет в песнях советского народа и будет жить в веках.

Народно-революционная армия, преследуя отступавших белых, разгромила их в районе Вознесенское-Монастырщина, где враг пытался оказать сопротивление. В этих боях отличились курсанты дивизионной школы 2-й Приамурской дивизии, и 67 ее курсантов, оставшихся в живых, были награждены орденами Красного Знамени. Последним решительным ударом, нанесенным врагу 16 октября, были освобождены Никольско-Уссурийск и Гродеково. 19 октября была занята станция Океанская. Народно-революционная армия вплотную подошла к Владивостоку. Японское командование стремилось задержать вступление НРА во Владивосток и не шло на мирные переговоры. Японцы и белые угоняли суда, грабили склады, чинили зверскую расправу над жителями города.

Во Владивостоке началась всеобщая забастовка рабочих и служащих под руководством подпольной большевистской организации. Бастующие требовали пропустить во Владивосток войска НРА, препятствовали уводу кораблей, не давали грабить имущество и т. д. Японское правительство вынуждено было эвакуировать войска и очистить город Владивосток.

25 октября 1922 г. части Народно-революционной армии и приморских партизан вступили во Владивосток. В. И. Ленин от имени Советской России поздравил рабочих и крестьян освобожденного края: «Занятие Народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя

[19] См.: С. Н. Шишкин. Указ. соч., стр. 249—253.

с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР»[20].

С освобождением Приморья от японских оккупантов встал вопрос об объединении Забайкалья и Дальнего Востока с Советской Россией. Сначала возник план автономизации ДВР. Предлагали объявить «декларативно ДВР социалистической Дальневосточной республикой, входящей на правах равноправного члена в РСФСР»[21].

12 октября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос о положении на Дальнем Востоке, нашло целесообразным упразднить буфер и дало директиву Дальбюро ЦК РКП(б) развернуть подготовку к слиянию ДВР с РСФСР.

С освобождением Владивостока ДВР выполнило свое историческое назначение. Дальнейшее существование буфера было нецелесообразным. К этому времени РСФСР уже вышла из состояния международной изоляции, вырос и укрепился ее международный авторитет. РСФСР могла теперь в полной мере (без посредника буфера) сама прямо и непосредственно защищать на арене международных отношений суверенитет Дальнего Востока от посягательств империализма. Это с одной стороны. С другой, сохранение буфера могло вызвать лишь недовольство рабочего класса и основных масс крестьянства, всегда стремившихся к восстановлению в крае Советской власти. Объединение с РСФСР было необходимо также для восстановления разрушенных производительных сил Дальнего Востока и для обороны его территории от посягательств империализма.

Открывшееся 14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР — высший орган республики, выполняя волю рабочих, крестьян, вынесло постановление: «Народное собрание... объявить распущенным и на всем русском Дальнем Востоке объявить власть Советов»[22]. 15 ноября ВЦИК издал декрет о включении ДВР в состав РСФСР.

---

[20] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 236.
[21] ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 74.
[22] «Из истории гражданской войны», т. 3, стр. 777—778.

Создание ДВР полностью оправдало себя. Гениальный тактический маневр, совершенный по инициативе В. И. Ленина, имел большое политическое значение. Он позволил Коммунистической партии и Советскому правительству избежать столкновения РСФСР с Японией, разгромить белогвардейцев и изгнать японцев с русского Дальнего Востока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Никифор Петрович Егунов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Редактор П. Ф. Калашников
Художественный редактор П. С. Гурьянов
Технический редактор Д. Б. Батоцыренова
Корректоры А. Л. Пастернак и Н. А. Гончикова

Сдано в набор 26/VII-1972 г. Подписано к печати 26/IX-1972 г.
Формат бум. 84x108 1/32. Объем в п. л. 6,09. Уч.-изд. л. 5,92.
Тираж 2000. Зак. 1719. Цена 18 коп. Бум. тип. № 1. Сорт I. Н-00152.

Бурятское книжное издательство, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Тип. Управления по печати при Совете Министров БурАССР,
г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 21.

Цена 18 коп.

УЛАН-УДЭ * 1972